СВЯЩЕННИКЪ
Н. А. МУРЗАКЕВИЧЪ
ВЪ 1812 ГОДУ.

„1812 годъ поставилъ личность о. Никифора на такой высотѣ нравственнаго долга и гражданской добродѣтели, на какой она не могла быть поставлена ни его литературными трудами, ни уваженіемъ общества и вниманіемъ лучшихъ людей города. 1812-й годъ сдѣлалъ личность Мурзакевича для изслѣдователя нашей старины глубоко-драматической, невольно приковывающей къ себѣ вниманіе, вызывающей сочувствіе и преклоненіе предъ нею...“.

(„Священникъ Н. А. Мурзакевичъ“, И. И. Орловскаго).

Подъ такимъ общимъ заглавіемъ издаются въ этомъ отдѣлѣ сборника два документа: „Жизнеописаніе священника Никифора Адріановича Мурзакевича, автора „Исторіи города Смоленска“, составлено сыномъ его, протоіереемъ Іоанномъ Мурзакевичемъ“ и „Дѣло о священникахъ Мурзакевичѣ и Соколовѣ и протоіереѣ Поликарпѣ Звѣревѣ“ [1]). Оба эти документа характеризуютъ не

[1]) Свящ. Н. А. Мурзакевичъ родился 2 Іюня 1769 г., умеръ 8 марта 1834 г. Считаемъ не лишнимъ привести библіографію о немъ, не претендующую, впрочемъ, на полноту. 1) Св. Н. А. Мурзакевичъ. Исторія города Смоленска. Юбилейное изданіе Смол. губ. статист. комитета подъ ред. И. И. Орловскаго, съ прилож. біографіи и дневника Н. А. Мурзакевича и замѣтки объ его „Исторіи“. Смоленскъ 1903. 2) Николай Никифор. Мурзакевичъ. Н. А.

только выдающуюся личность и дѣятельность въ 1812 г. свящ. Н. А. Мурзакевича, перваго историка Смоленска и одного изъ лучшихъ сыновъ его, но и положеніе всего города въ тяжелые для него августъ, сентябрь и октябрь мѣсяцы 1812 года; имѣя такой двойственный характеръ, документы даютъ больше, чѣмъ обѣщаетъ заглавіе отдѣла. Таковы обшія соображенія, руководившія редакціей въ вопросѣ о помѣщеніи въ сборникѣ этихъ документовъ и объединеніи ихъ въ особый отдѣлъ его.

Первый документъ печатается впервые; до сихъ поръ историки Смоленска, какъ С. П Писаревъ и И. И. Орловскій, извлекали изъ него только отдѣльныя фразы или небольшіе отрывки, въ родѣ описанія смертной казни Энгельгардта, и еще въ 1903 г. И. И. Орловскій, издавая трудъ Н. А. Мурзакевича, сожалѣлъ, что документъ не напечатанъ. Принадлежалъ онъ до сихъ поръ г.-м. М. М. Громыко, а нынѣ приносится имъ въ даръ Смоленскому Церковно-Археологическому Комитету. Документъ представляетъ собою рукопись самого прот. І. Мурзакевича, на 11 листахъ и 2 полулистахъ обыкновеннаго формата, что даетъ 48 страницъ почти сплошного текста. Но рукопись не есть единая цѣльная біографія: первыя 20 страницъ заключаютъ въ себѣ біографію свящ. Н. А. Мурзакевича, безъ конца: разсказъ доведенъ до возвращенія нашей арміи въ Смоленскъ (5 ноября 1812 г.) и излагается въ третьемъ лицѣ; послѣднія 28 страницъ заключаютъ въ себѣ автобіографическія воспоминанія автора изъ эпохи 1812 года, безъ начала: разсказъ, начинается съ факта рукоположенія Н. А. Мурзакевича во священника и ведется въ первомъ лицѣ. Пропажи конца біографіи допустить нельзя потому, что она сшита въ одну тетрадку въ 5 листовъ, а послѣдняя страница тетрадки не заполнена текстомъ до конца, и разсказъ обрывается на полуфразѣ: очевидно, авторъ почему-то просто не закончилъ работы. Но нельзя это же сказать и про воспоминанія: судя по нумераціи листовъ, сдѣланной рукою самого автора, первый листъ

Мурзакевичъ, историкъ города Смоленска (біографія, дневникъ и переписка). СПБ. 1877. 3) Записки Николая Никиф. Мурзакевича (автобіографія). Русск. Старина 1887—1888 – 1889 г.г. 4) Статья въ „Смолен. Вѣстникѣ": Св. Н. А. Мурзакевичъ. 1882 г. №№ 14—16. 5) И. И. Орловскій. Священникъ Н. А. Мурзакевичъ, обвиняемый въ измѣнѣ въ 1812 году (біографія и изложеніе дѣла объ измѣнѣ). Истор. Вѣстн. 1903 г. №№ 4 – 6. 6) С. П. Писаревъ. Памятная книга г. Смоленска. Смол. 1898. 7) Труды Рязан. Учен. Архив. Комиссіи т. II 1887 г. № 3 (4 документа изъ дѣла объ измѣнѣ по рукописи Смол. Городск. Музея). 8) В. И. Грачевъ. Смоленскъ и его губернія въ 1812 году. Смол. 1912.

ихъ утерянъ. Принимая во вниманіе эти соображенія, а также болѣе подробное изложеніе и болѣе выгодную внѣшность первой изъ указанныхъ частей рукописи, т. е. біографіи, приходится думать, что вторая изъ указанныхъ частей ея, т. е. воспоминанія, была набросана авторомъ просто въ цѣляхъ воспроизвести для себя лично образы прошлаго (онъ набрасывалъ ихъ въ возрастѣ 56 лѣтъ); но потомъ авторъ задался болѣе широкой цѣлью—создать біографію своего замѣчательнаго отца: онъ пополнилъ свои воспоминанія новыми фактами и эпизодами, необходимыми для біографіи, измѣнилъ способъ изложенія, улучшилъ внѣшній видъ рукописи, но почему-то не закончилъ своей работы. Такимъ образомъ автобіографическія воспоминанія сына превратились въ черновикъ для біографіи отца. При изданіи документа возникъ вопросъ, какую часть рукописи взять за основную и напечатать ее и не слѣдуетъ ли издать параллельно оба текста? Бѣловикъ (біографія) содержитъ въ себѣ нѣсколько эпизодовъ, не разсказанныхъ въ черновикѣ (воспоминаніяхъ): такъ, въ немъ разсказано о второмъ изданіи „Исторіи города Смоленска“, о неудавшемся протоіерействѣ Н. А. Мурзакевича, о паденіи ядра въ его домъ, о деталяхъ сраженія 4 августа и о состояніи „великой арміи“ по возвращеніи ея въ Смоленскъ. Съ другой стороны, и черновикъ содержитъ въ себѣ нѣсколько мелкихъ фактовъ и подробностей, не вошедшихъ въ бѣловикъ. Такъ какъ, съ одной стороны, бѣловикъ, въ общемъ, подробнѣе черновика и носитъ на себѣ слѣды литературной обработки, а съ другой стороны—общія той и другой части рукописи мѣста изложены почти тождественно, то издатель рѣшилъ напечатать только бѣловикъ, но снабдить его примѣчаніями, куда и вошли всѣ факты черновика, не разсказанные въ бѣловикѣ, всѣ разночтенія его, дающія иногда иную картину или иное освѣщеніе факта (напр., въ разсказѣ о встрѣчѣ Н. А. Мурзакевичемъ Наполеона), и, наконецъ, тѣ мѣста, гдѣ авторъ, подъ вліяніемъ силы непосредственнаго воспоминанія, ярче и живѣе ведетъ разсказъ. При такой тщательной свѣркѣ обоихъ текстовъ изданіе всей рукописи въ цѣломъ оказалось излишнимъ: пришлось только дополнить бѣловикъ концомъ черновика. Какъ біографія, издаваемый документъ далеко не можетъ считаться образцомъ такого рода литературныхъ произведеній: чисто-біографическаго матеріала въ немъ мало, онъ занимаетъ всего первыя три страницы бѣловика и послѣднія четыры страницы черновика; но зато онъ богатъ чисто-историческимъ ма-

теріаломъ, рисуя довольно подробную картину жизни Смоленска во время занятія его французами; это и сдѣлало помѣщеніе его въ сборникѣ весьма умѣстнымъ. Авторъ біографіи, прот. Іоаннъ Мурзакевичъ, родился 27 Октября 1800 г.; слѣдовательно, во время описываемыхъ въ біографіи подробностей положенія Смоленска во время занятія его французами ему было ровно 12 лѣтъ, возрастъ достаточный для того, чтобы мало-мальски наблюдательный мальчикъ могъ примѣтить многое; а событія, имъ пережитыя, были до того грандіозны и необычайны, что могли неизгладимо врѣзаться въ память его, какъ очевидца (между прочимъ, авторъ присутствовалъ при казни Энгельгардта). Въ примѣчанія вынесены изъ черновика, между прочимъ, тѣ мѣста, въ которыхъ авторъ дѣлаетъ ссылки на свою память, въ частности —зрительную: „и какъ помню...“, „мы всѣ, его дѣти, видѣли...“, „видимъ...“—прибавляетъ онъ не разъ къ своему разсказу. Въ виду всего этого нельзя впасть въ ошибку, сдѣлавъ заключеніе, что картина, даваемая авторомъ, въ общемъ, соотвѣтствуетъ дѣйствительности и, значитъ, имѣетъ историческую цѣнность. Что касается ошибокъ и путаницы въ хронологическихъ датахъ, то онѣ станутъ понятны, если принять во вниманіе, что воспоминанія и біографія возстановлены по памяти 48 лѣтъ спустя послѣ описываемыхъ въ нихъ событій. Умеръ І. Мурзакевичъ въ чинѣ протоіерея и полкового благочиннаго 26 марта 1867 года и погребенъ на Окопскомъ кладбищѣ, недалеко отъ могилы его отца [1]).

Второй документъ въ цѣломъ видѣ печатается также впервые: до сихъ поръ только отрывки главнымъ образомъ слѣдственной части его были напечатаны въ работахъ историковъ Смоленска, да Рязанская Ученая Архивная Комиссія издала 4 отношенія изъ него [2]). А между тѣмъ „Дѣло“ и въ біографи-

[1]) Кое-какія біографическія данныя о немъ есть въ указанныхъ работахъ И. И. Орловскаго. Въ метрической книгѣ Смол. епархіи г. Смоленска церкви Воскресенія Христова подъ 27 октября 1800 г. записано: „Катедральнаго собора у діакона Никифора Мурзакевича съ женою его Анною Ивановою законно прижитой родился сынъ Іоаннъ. Крещенъ священникомъ Филиппомъ, а при крещеніи воспріемниками были: суда и расцравы 1-го департамента секретарь Данила Федосѣевъ, да съ корнетшею конной гвардіи Екатериною Краснощеко-Красовскою“. А на мраморномъ памятникѣ на могилѣ І. Мурзакевича въ Окопѣ начертано: „Полковой благочинный, протоіерей и кавалеръ Іоаннъ Никифоровичъ Мурзакевичъ, умеръ 26 марта 1867 года“.

[2]) См. прим. 1.

Священникъ Никифоръ Адріановичъ Мурзакевичъ.

(Съ портрета, находящ. въ Смоленск. Городск. Историко-Археологич. Музеѣ).

ческомъ, и въ историко-бытовомъ отношеніи представляетъ изъ себя документъ крупнаго интереса. Въ виду громоздкости документа, его пришлось разбить на нѣсколько главъ: 1) возникновеніе дѣла, 2) слѣдственная часть дѣла, 3) преданіе обвиняемыхъ суду, 4) дѣло обвиняемыхъ въ Комиссіи Сенаторовъ и Уголовномъ Судѣ и 5) возстановленіе оправданныхъ въ ихъ правахъ. „Дѣло" издается въ цѣломъ видѣ, съ пропускомъ, конечно, тѣхъ отношеній, которыя, не внося въ него ничего существенно новаго, представляютъ изъ себя только канцелярскую переписку; изъ копій журнальныхъ постановленій, справокъ и выписокъ Консисторіи и резолюцій епископа взяты также только тѣ, которыя вносятъ въ дѣло что-либо новое по существу его. Однако издатель, выпуская какое-либо отношеніе, дѣлаетъ объ этомъ примѣчаніе. Кромѣ того, выпущено нѣсколько листовъ „Дѣла", не имѣющихъ отношенія къ нему и касающихся лицъ, „бывшихъ въ службѣ у непріятеля" (листы 120, 121, 124, 125, 126, 130 и 131) [1]), и исправленія семинаріи (листъ 149). Наоборотъ, въ качествѣ приложенія къ этому „Дѣлу" издается нѣсколько листовъ изъ него (листы 159—164, съ нимъ тѣсно не связанные) и „Дѣло о деньгахъ соборнаго ключаря Шировскаго"; этотъ матеріалъ имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ „Дѣлу", какъ касающійся соборной ризницы и содержащій дополнительные допросы Н. А. Мурзакевича въ Консисторіи.

Ошибки въ хронологическихъ датахъ, заключающіяся въ первомъ изъ издаваемыхъ документовъ, побуждаютъ изучающаго его постоянно обращаться къ тексту другихъ, относящихся къ данному вопросу, документовъ, какъ-то: дневнику самого Н. А. Мурзакевича, автобіографіи его сына Н. Н. Мурзакевича и имъ же составленной біографіи Н. А. Мурзакевича. При сличеніи этихъ документовъ обнаруживается неоднократно и различіе въ описаніи однихъ и тѣхъ же фактовъ, въ нихъ содержащихся. И по характеру данной работы, и по недостатку времени для издателя оказалась невозможной исчерпывающая критическая свѣрка и сводка всѣхъ указанныхъ документовъ: онъ ограничился введеніемъ въ примѣчанія тѣхъ грубыхъ ошибокъ въ хронологіи, которыя содержитъ издаваемый документъ. Полное же критическое изслѣдованіе группы документовъ о свящ. Н. А. Мурзакевичѣ есть дѣло будущаго историка Смоленска.

---

[1]) Будутъ помѣщены въ главѣ, посвященной этому вопросу.

I. Жизнеописаніе (исторія)

священника Никифора Адріановича Мурзакевича, автора „Исторіи города Смоленска".

Составлено сыномъ его, протоіереемъ Іоанномъ Мурзакевичемъ. Въ селеніи Маньковкѣ 1856 года октября 15 дня.

Священникъ Никифоръ Адріановичъ Мурзакевичъ родился въ городѣ Смоленскѣ въ 1769 году отъ священника Смоленскаго Каѳедральнаго Успенскаго Собора и проповѣдника. Отецъ его по бѣдности не могъ его содержать на своемъ иждивеніи, и потому [онъ][1]) не могъ достигнуть окончательнаго курса семинарскихъ наукъ и изъ низшаго синтаксическаго класса въ 1783 году декабря 13 числа Преосвященнымъ Парѳеніемъ, епископомъ Смоленскимъ, опредѣленъ псаломщикомъ къ Воротней церкви Божіей Матери, что надъ Днѣпровскими городскими воротами, приписанной къ архіерейскому дому. Во вниманіе же къ заслугамъ его отца, въ 1792 году 19 сентября, и замѣтя въ немъ ревностное исполненіе своей обязанности, выданъ былъ билетъ на бракосочетаніе съ священническою дочерію Вяземскаго соборнаго священника Іоанна Солнцева, съ дѣвицею Анною Ивановою, и вышесказаннаго числа тѣмъ же епископомъ Парѳеніемъ произведенъ въ иподіакона, а въ 1794 году въ діакона, къ той же Воротней церкви, съ тѣмъ, чтобы онъ во время архіерейскаго служенія исправлялъ должность иподіаконскую и ризничаго, и предоставлено дѣлать надпись на ставленническихъ граматахъ и прикладывать архіерейскую печать.

Имѣя способности, но не получивъ достаточнаго образованія, онъ почувствовалъ, что съ скуднымъ образованіемъ невозможно достигнуть высшихъ должностей, и потому въ

[1]) Въ квадратныя скобки взяты слова, прибавленныя издателемъ для смысла.

свободное время занялся чтеніемъ книгъ, какія могъ доставать, и особенно занялся чтеніемъ историческихъ книгъ. Тогда возникло въ немъ желаніе узнать достопамятныя событія родного города: онъ сталъ читать лѣтопись Нестора и продолжителей его, досталъ Щербатову и Татищеву исторію. Но главнымъ побужденіемъ къ составленію исторіи города Смоленска была попавшаяся краткая рукопись, полученная имъ изъ Губернскаго Правленія въ копіи, которая была составлена іеромонахомъ [Шупинскимъ] и поднесена во время проѣзда чрезъ Смоленскъ въ Крымъ въ 1787 году 11 генваря [2]) Императрицѣ Екатеринѣ II-й. Діаконъ Никифоръ Мурзакевичъ, видя краткость этой рукописи и недостаточность изложенія событій и пропускъ, положилъ непремѣнное намѣреніе составить по возможности исторію города Смоленска со временъ первоначальнаго заселенія города; по недостаточности же фактовъ историческихъ, онъ прибѣгнулъ къ губернскому начальству и духовному. Ему позволено было отыскивать въ архивахъ бумаги стариннаго содержанія, также и въ консисторскомъ архивѣ; но консисторскій архивъ еще въ 1722 году сгорѣлъ, и потому всѣ древнѣйшіе акты истреблены, и событія со временъ Петра I-го изложены кратко и по словесному преданію старожиловъ.

Составленіемъ „Исторіи“ онъ занимался съ 1798 года по 1803 годъ: просиживалъ съ восьми часовъ до двѣнадцати полудни и, послѣ краткаго отдыха послѣ обѣда, до поздняго вечера занимался, писалъ, соображалъ; и отъ усиленныхъ занятій онъ получилъ геморроидальную болѣзнь, до того что иногда кровь горломъ шла. Блѣдность въ лицѣ и слабость во всѣхъ движеніяхъ были слѣдствіемъ изнуренія. Преосвященный Димитрій (стр. 1) замѣтилъ ему: „Ты, Никифоръ, нездоровъ и чѣмъ-то занимаешься?“ и тогда смиренный діаконъ Никифоръ долженъ былъ сознаться въ своихъ занятіяхъ. Преосвященный приказалъ принести ему списокъ „Исторіи“, который былъ разсмотрѣнъ Преосвященнымъ, и когда возвращалъ, то сказалъ: „Этимъ слѣдуетъ заняться не тебѣ, но ученому и опытному!“. И когда авторъ

[2]) Въ дневникѣ Н. А. Мурзакевича подъ 1787 г. записано: „Генварь, 12. Государыня Екатерина II прибыла въ Смоленскъ въ 8 часовъ вечера“. Свящ. Н. А. Мурзакевичъ. Исторія г. Смоленска. Приложеніе, стр. 48.

сталъ его просить позволенія и вспомоществованія отпечатать „Исторію“, то Преосвященный отказалъ. Такимъ образомъ его труды остались бы никѣмъ не замѣчены, если бы не дошло свѣдѣнія черезъ губернскихъ чиновниковъ до военнаго генералъ-губернатора графа Степана Степановича Апраксина. Онъ приказалъ [ему] лично представить свой трудъ и, нѣсколько страницъ прочитавши, сказалъ, чтобы онъ составилъ письмо на его имя, съ прошеніемъ о принятіи сего сочиненія (которое послѣ заглавнаго листа припечатано). Графъ Апраксинъ былъ такъ доволенъ этимъ трудомъ, что приказалъ на собственномъ иждивеніи отпечатать въ губернской типографіи шестьсотъ экземпляровъ и всѣ подарилъ автору. Діаконъ Мурзакевичъ первымъ долгомъ поставилъ поднесть одинъ экземпляръ своему Архипастырю, который, видя, что безъ его участія сдѣлалось изданіе „Исторіи“, оскорбился и тутъ же сказалъ: „Я не хочу имѣть сочинителя при себѣ!“ и предоставилъ ему искать мѣсто, только священническое. Почему діаконъ, имѣя у себя шестерыхъ дѣтей, просилъ Преосвященнаго произвести его къ Смоленской Одигитріевской церкви; вслѣдствіе чего 16 апрѣля 1803 [3]) года Преосвященный рукоположилъ его къ той церкви [во] священника [4]).

[3]) Однако издателю удалось найти въ архивѣ Консисторіи „Дѣло по испрошенію Смоленской Одигитріевской церкви священно- и церковнослужителей и прихожанъ о произведеніи къ этой церкви діакона Никифора Мурзакевича во священника“, № 152/539, вступило 13 апрѣля 1804 г., рѣшено 2 іюня 1804 г., на 9 листахъ (которые всѣ помѣчены 1804 г.), изъ котораго, между прочимъ, видно, что Н. А. Мурзакевичъ изъ синтаксическаго класса семинаріи былъ опредѣленъ во псаломщика Дорогобужской соборной церкви, затѣмъ переведенъ псаломщикомъ же къ Воротней Рождественской г. Смоленска церкви, 19 сент. 1792 г. сдѣланъ штатнымъ архіерейскимъ иподіакономъ, 13 авг. 1794 г.—діакономъ и, наконецъ, „означенный діаконъ Никифоръ Мурзакевичъ Преосвященнѣйшему Димитрію, епископу Смоленскому и Дорогобужскому для рукоположенія во іерея былъ представленъ, и Его Преосвященствомъ онъ, Никифоръ, въ домовой Его Преосвященства Апостольской церкви апрѣля 16 дня 1804 г. во іерея къ Смоленской Одигитріевской церкви рукоположенъ“. Интересно, что и въ дневникѣ самого Н. А. Мурзакевича та же ошибка: „1803 годъ. Апрѣль, 16. Рукоположенъ во священника въ Одигитріевскій приходъ, что на „верхнемъ рынкѣ“. Св. Н. А Мурзакевичъ. Исторія г. Смоленска. Приложеніе, стр. 52. Дата 1803 требуетъ исправленія также и въ работахъ И. И. Орловскаго.

[4]) Въ черновикѣ этотъ фактъ изложенъ въ иномъ освѣщеніи: „Въ награду же за столь полезный трудъ, обратившій на себя вниманіе гражданъ

Шестьсотъ отпечатанныхъ экземпляровъ въ короткое время [были] разобраны; тогда авторъ долженъ былъ приступить къ вторичному изданію, съ присовокупленіемъ граматъ, данныхъ городу королями Польскими и великими князьями Литовскими и царями Русскими. Преосвященный Димитрій. узнавши о второмъ изданіи, предложилъ автору, чтобы и о немъ что-либо упомянулъ въ своей „Исторіи", и выдалъ ему свой послужной списокъ, который на страницѣ 213 вполнѣ напечатанъ.

Вторичное изданіе „Исторіи" такой же имѣло скорый исходъ: всѣ жители города и помѣщики обратились къ автору съ требованіемъ Исторіи Смоленской. Успѣхъ былъ свыше ожиданія. А съ этимъ самымъ вмѣстѣ улучшилось состояніе издателя. Видя со всѣхъ сторонъ одобреніе его труда, авторъ просилъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода князя Александра Николаевича Голицына, что[бы] онъ соблаговолилъ представить его „Исторію" Государю Императору Александру I-му, на что князь Голицынъ изъявилъ согласіе и исходатайствовалъ автору денежное вознагражденіе въ 500 рублей [5]).

Получивши столь значительную награду и обративши на себя вниманіе высшихъ особъ, которыя дѣлали ему пособія въ его бѣдномъ состояніи, позаботился изъ пріобрѣтенныхъ денегъ купить новый домъ [6]) вмѣсто стараго обветшалаго, бывшаго въ отдаленномъ мѣстѣ отъ его приходской церкви, и тѣмъ избавился отъ затруднительнаго и дальняго пути (и мы перешли въ него 1808 года), а также не въ дальнемъ разстояніи отъ семинаріи, куда два сына помѣщены были въ училище. (стр. 2) Съ пріобрѣтеніемъ дома новаго и улучшеніемъ своего благосостоянія не безъ завистниковъ было, которые не иначе звали автора „Исторіи",

---

города, Преосвященный предложилъ священническое мѣсто при градской Смоленской Одигитріевской церкви и рукоположилъ изъ діаконовъ во священники 1803 года въ субботу Лазарева Воскресенія". (Стр. 21).

[5]) Въ черновикѣ прибавлено: „ассигнаціями", и указана дата: „въ 1804 году". (Стр. 21).

[6]) Въ черновикѣ прибавлено: „деревянный, противъ своей приходской церкви, а тѣмъ самымъ успокоилъ себя и мать нашу и свое семейство, состоявшее въ 1810 году изъ 4 сыновей и 3 дочерей". (Стр. 21).

какъ „сочинителемъ“ [7]); пошли толки и пересуды, и потомъ возникла непріязнь.

Съ 1804 по 1808 годъ марта 2-го числа ему поручено быть депутатомъ и увѣщевателемъ при градской Смоленской полиціи; но эта должность была слишкомъ непріятна, гдѣ нужно разбирательство, для чего ежедневно нужно было ходить въ полицію; почему и отказался отъ такой должности, которая отвлекала его отъ любимыхъ занятій, чтенія и хозяйственныхъ занятій.

Въ 1806 г., когда Кадетскій Корпусъ былъ отстроенъ [8]), то въ основаніе библіотеки священникъ Никифоръ Мурзакевичъ пожертвовалъ до 200 томовъ книгъ историческаго и духовнаго содержанія, за что отъ начальства Кадетскаго Корпуса получилъ благодарность [9]).

Достигши священства чрезъ полезный трудъ, онъ въ семъ званіи желалъ быть полезенъ своимъ прихожанамъ. Но какъ всякій христіанинъ желаетъ знать своего Господа Іисуса, а Слово Божіе и Евангеліе еще не было переведено на чисто-русскій языкъ, а славянскій для простонародія во многомъ непонятенъ, — посему священникъ Мурзакевичъ составилъ сводъ четырехъ Евангелистовъ на чисто-русскомъ нарѣчіи, съ примѣчаніями объяснительными. Этимъ переложеніемъ и составленіемъ онъ занимался съ 1810 года по 1814 годъ [10]) и представилъ [его] въ Святѣйшій Синодъ на разсмотрѣніе чрезъ оберъ-прокурора князя Голицына; но отъ Синода не послѣдовало на это никакого распоряженія, и списокъ сданъ въ синодальный архивъ.

[11]) На мѣсто епископа Серафима, бывшаго на епархіи съ 1805 года по 1812-ый и назначеннаго архіепископомъ въ

---

[7]) Въ черновикѣ прибавлено: „Но я умолчу объ нихъ, потому что лицо, питавшее непріязнь, принадлежало къ высшему званію и сану“. (Стр. 21).

[8]) Въ черновикѣ: „Въ 1808 году, когда Кадетскій Корпусъ былъ переведенъ изъ города Гродно въ Смоленскъ въ отстроенное огромное зданіе“... (Стр. 21).

[9]) Въ черновикѣ прибавлено: „но и за это было нѣкоторыми особами оговорено, что себя Никифоръ Мурзакевичъ выставляетъ во всемъ высоко“. (Стр. 21).

[10]) Въ черновикѣ: „съ 1809 года по 1812 годъ“... (Стр. 22).

[11]) Въ черновикѣ въ началѣ этого абзаца стоитъ: „Наконецъ, наступилъ и знаменитый, и вмѣстѣ бѣдственный 1812 годъ, со всѣми [его]ужасами и страданіями“. (Стр. 22).

Вильну, въ томъ же 1812 году 16-го апрѣля въ Вербное Воскресенье прибылъ въ Смоленскъ епископъ Ириней, бывшій викаріемъ Кіевской митрополіи, и для встрѣчи его у входа своей церкви былъ назначенъ священникъ Мурзакевичъ. Преосвященный Ириней былъ въ теченіе своего архипастырства въ Смоленскѣ внимателенъ къ Мурзакевичу и, какъ ученый и трудолюбивый писатель, вполнѣ оцѣнилъ изданную Исторію Смоленска и желалъ его наградить протоіереемъ; но нашлись противники, представившіе Преосвященному, что онъ вполнѣ награжденъ, и какъ неученый, то не можетъ быть удостоенъ сего званія.

Въ этомъ же году 1812-мъ постигла тяжкая болѣзнь его жену, страдавшую болью въ лѣвомъ боку, и въ теченіе десятидневной болѣзни не было возможности облегчить ея страданія; и по исполненіи христіанскаго долга соборованія масломъ, исповѣданія и причастія 4-го марта кончила жизнь. Потерей любимой жены и матери семерыхъ дѣтей впалъ въ задумчивость, и какое-то равнодушіе было [въ немъ] замѣтно; бывши до того трудолюбивымъ писателемъ, онъ только объ одномъ теперь заботился, чтобы устроить участь своихъ дѣтей, тогда какъ при жизни жены вся забота о домашнемъ благосостояніи лежала на попеченіи ея [12]).

Съ марта 1812 года стали распространяться неблагопріятные слухи касательно войны, и что около границъ Имперіи стекаются огромныя силы Наполеона, и что наши арміи придвинуты къ западнымъ границамъ. Но великій постъ и затѣмъ святая недѣля прошли въ обычномъ порядкѣ, и городъ не былъ еще тревожимъ переходомъ войскъ. Май мѣсяцъ тоже спокойно прошелъ. Но въ половинѣ іюня мѣсяца начали чаще и чаще доходить тревожные слухи. Потомъ, (стр. 3) къ концу іюня, стали стекаться въ городъ чиновники западныхъ губерній. Въ домѣ Мурзакевича оста-

[12]) Въ черновикѣ мѣсто, начиная со словъ: „Потеря любимой жены"..., изложено подробнѣе: „Этотъ день былъ горестный для насъ, а для отца несчастный. Съ лишеніемъ любимой матери мы видѣли большую перемѣну въ нашемъ отцѣ: онъ сдѣлался задумчивъ и строгъ къ намъ, когда мы при жизни ея видѣли [его]всегда веселымъ и заступникомъ передъ нашею любимою матушкою, которая была въ домѣ у насъ первою попечительницею и вмѣстѣ за шалости взыскивала съ насъ строго; а отецъ больше ничего не зналъ, какъ только ласкать насъ. Итакъ, 1812 годъ, памятный для всѣхъ, и намъ оставилъ горестныя напоминанія". (Стр. 22).

новился гражданскій губернаторъ Бѣлостокской области со всѣмъ имуществомъ и семействомъ и, не болѣе трехъ дней пробывши, уѣхалъ въ дальніе русскіе города. Потомъ остановилась выѣхавшая изъ Вильны графиня изъ дому, родственнаго королямъ французскимъ, успѣвшая на скорую руку только взять съ собою нѣсколько паръ платья. Потомъ пріѣхалъ Виленскій архіепископъ Серафимъ и остановился въ загородномъ домѣ архіерейскомъ, въ Новомъ Дворѣ называемомъ.

Въ первыхъ числахъ іюля курьеры и фельдъегеря чаще и чаще стали проѣзжать. И вотъ послѣдовало отъ Синода распоряженіе о возношеніи на ектеніяхъ прошенія о избавленіи отъ нашествія иноплеменниковъ [13]). Въ первыхъ числахъ іюля изъ лагеря подъ Дриссою Государь Императоръ Александръ I-й мимоѣздомъ посѣтилъ городъ Смоленскъ и привезъ радостную вѣсть о заключеніи съ Турціей мира, выгоднаго для Россіи; и торжественное молебствіе было совершено въ присутствія Государя Иринеемъ, епископомъ Смоленскимъ. Это радостное торжество возвѣщено жителямъ пушечною пальбою [14]). Проѣздомъ Государя Императора жители на нѣторое время были успокоены; но вскорѣ послѣ того разнеслась вѣсть, что Наполеонъ уже занялъ Витебскъ [15]). Тутъ жители стали тревожиться, и многіе выѣзжали. Но губернаторъ баронъ Ашъ приказалъ на заставахъ останавливать, не пускать изъ города и возвращать, чтобы безвременнымъ выѣздомъ не встревожить всѣхъ жителей. Слышно стало, что и Могилевъ занятъ французами. И вотъ ректоръ Могилевскій, оста-

---

[13]) Въ черновикѣ прибавлено: „и какъ помню, и мы плакали и ожидали бѣдствій". (Стр. 22).

[14]) Въ черновикѣ прибавлено: „Во время проѣзду 9-го іюля Императора Александра изъ Витебска черезъ Смоленскъ въ Москву, отцу нашему отъ начальства духовнаго препоручено было стоять противъ своей приходской церкви съ крестомъ и облаченнымъ для встрѣчи обожаемаго Государя". (Стр. 22–23).

[15]) Въ черновикѣ эта смѣна настроеній выражена подробнѣе: „Этотъ проѣздъ Императора на нѣкоторое время успокоилъ жителей города; но съ отбытіемъ его на другой день—всѣ опять пришли въ уныніе. Начали формировать ополченія; всѣ жители пришли въ движеніе. Вотъ слышно стало, что Наполеонъ занялъ Вильну, потомъ [-что] уже и Витебскъ занятъ, а наши войска отступаютъ". (Стр. 23).

новившійся въ Аврааміевскомъ монастырѣ, посѣтилъ семинарію, а на другой день, 11 іюля, получили приказаніе ученики отъ своихъ учителей, чтобы расходились по домамъ. И дѣти почувствовали тягость наступающаго времени: пропѣли по обычаю „Достойно есть“ и „Нынѣ отпущаеши“, со слезами на глазахъ простились между собою.

Въ это время священникъ Мурзакевичъ почувствовалъ всю тягость и безнадежность своего состоянія: семеро дѣтей и престарѣлая мать, при недостаточности состоянія, невольно погружали его въ задумчивость. Ужасы грабежа и разоренія живо представлялись его воображенію [16]). Наконецъ, 22 іюля первая и вторая арміи соединились въ Смоленскѣ, бывшія до того разъединены на дальнемъ разстояніи французскою арміею. Въ ознаменованіе столь счастливаго событія Преосвященный Ириней въ Каѳедральномъ Соборѣ отслужилъ благодарственное молебствіе; при семъ присутствовали: Цесаревичъ Константинъ, главнокомандующіе Барклай-де-Толли и Багратіонъ, принцъ Евгеній Виртембергскій и генералъ Беннигсенъ и всѣ вообще корпусные, дивизіонные и бригадные генералы со своими штабами, и весьма многое число также было штабъ- и оберъ-офицеровъ. [Такое] разнообразіе военныхъ мундировъ и число солдатъ, безпрестанно переходившихъ чрезъ городъ, никогда жителямъ не случалось видѣть, и горожанъ какъ бы и не было. Каждый домъ имѣлъ по нѣскольку офицеровъ на постоѣ; сверхъ того, каждый домъ имѣлъ по двѣ и три команды хлѣбопековъ и для сушенія сухарей. Въ домѣ священника Мурзакевича три были постоя офицерскихъ и изъ трехъ командъ хлѣбопеки. Весь городъ превратился въ военный лагерь. А разъѣзды верховыхъ казаковъ, уланъ, гусаръ и драгунъ-фельдегерей — безпрестанно тревожили пѣшеходовъ; въ городскихъ воротахъ было даже въ иное время [невозможно] разъѣхаться; съѣстные про-

[16]) Въ черновикѣ сцена роспуска учениковъ и душевное состояніе Н. А. Мурзакевича переданы живѣе: „наши нѣжные голоса тронули до слезъ нашего учителя: [онъ]попрощался съ нами, и мы, заплакавши, вышли изъ класса. Грусть и тоска проникла въ наши беззаботныя отроческія сердца. Мы стали прислушиваться и смотрѣть въ глаза отцу. Задумчивое лицо, недостаточность состоянія, чтобы снарядиться къ выѣзду изъ города, насъ восьмеро, а съ бабушкой девять душъ; такимъ образомъ забота о спасеніи и выѣздъ изъ города совершенно былъ для насъ невозможенъ“. (Стр. 23).

дукты вдвое вздорожали; и кто могъ и хотѣлъ, тотъ продавалъ все вдвое, и тѣмъ могъ скопить достаточно денегъ на черный день. (стр. 4)

Въ храмовой день Одигитріевской церкви священникъ Мурзакевичъ, по обыкновенію угощавшій духовенство, по стѣснительности въ домѣ не могъ дѣлать обычнаго угощенія [17]). Въ то время служившій въ Егерскомъ полку своякъ его, священникъ Іоаннъ Богородицкій, предложилъ взять съ собою и довезти до Вязьмы старшую дочь Александру и сына Илью, чтобы укрыть [ихъ] отъ ожидаемаго нашествія непріятеля, на что и долженъ былъ согласиться Мурзакевичъ [18]).

Съ 29 на 30 іюля вся армія тронулась и пошла за сто верстъ къ селенію Руднѣ, чтобы встрѣтить сильнаго врага и отразить [19]). Всѣ жители ободрились. Преосвященный отслужилъ въ Соборѣ со всѣмъ градскимъ духовенствомъ молебенъ [20]). 31 числа къ пяти часамъ вечера была пригнана партія французскихъ плѣнныхъ, съ офицерами и до 500 человѣкъ нижнихъ чиновъ; между ними было нѣсколько раненыхъ; и того жъ времени и русскихъ раненыхъ провозили чрезъ городъ. 1-го августа примѣтно городъ опустѣлъ, но богослуженіе шло своимъ чередомъ, и Преосвященный Ириней, послѣ литургіи въ Соборѣ, со всѣмъ духо-

---

[17]) Въ черновикѣ прибавлено: „но этотъ праздникъ уже не съ прежнею радостію былъ нами отправляемъ: Преосвященный Ириней служилъ въ Соборѣ, а въ Одигитріевской церкви былъ приглашенъ служить заштатный архимандритъ Щировскій, старикъ твердаго, благочестиваго характера". (Стр. 23—24).

[18]) Въ черновикѣ этотъ эпизодъ, разсказанный болѣе подробно, отнесенъ къ 2 августа. См. прим. 22. У И. И. Орловскаго (статья въ Истор. Вѣстн.) этотъ священникъ названъ Левицкимъ.

[19]) Въ черновикѣ подробности: „Всѣ войска шли черезъ городъ около Аврааміевскаго монастыря и мимо самой семинаріи; цѣлую ночь играла музыка, и намъ спросонья была слышна и своею гармоніею нашъ дѣтскій слухъ услаждала". (Стр. 24).

[20]) Въ черновикѣ подробнѣе: „31 числа служилъ въ Успенскомъ Соборѣ молебенъ Преосвященный Ириней, чтобы Господь Богъ помогъ нашимъ одолѣть врага; все духовенство городское и остатки жителей присутствовали при томъ. Вотъ нашъ городъ нѣсколько успокоился: надежда на Бога и [на] пламенное усердіе нашихъ войскъ ободрила насъ". (Стр. 24). Въ дневникѣ самого Н. А. Мурзакевича даты выступленія нашей арміи къ Руднѣ и молебствій указаны другія. См. Исторія г. Смоленска. Приложеніе, стр. 57. То же и у приведенныхъ въ библіографіи историковъ.

венствомъ съ крестнымъ ходомъ шествовалъ освящать воду на Днѣпрѣ. И въ это время нашли темныя тучи, разразились проливнымъ дождемъ, и все духовенство возвратилось промокшимъ [21]); и потомъ все вдругъ разъяснилось, и лучи солнечные возвратили свѣтлость дня. Это причтено было къ благому предзнаменованію по тогдашнимъ событіямъ.

Но на другой день дошли до города слухи, что въ 40 верстахъ городъ Красный занятъ французами, и что генералъ Невѣровскій съ своею дивизіею былъ окруженъ и пробился, потерявши всю артиллерію; тогда и остальные жители начали выбираться изъ города. Что тогда оставалось дѣлать священнику Мурзакевичу, какъ только предать себя въ волю Божію? [22]) 3-го числа, передъ всенощною, стали доходить слухи, что непріятель остановился въ 10 верстахъ отъ города [23]). Но богослуженіе не прекращалось, вездѣ благовѣстили по обычаю передъ воскресеньемъ ко всенощной [24]). Вотъ утромъ 4 августа слышно стало, что непріятель идетъ къ городу; тишина по городу распространилась; но въ 8 часовъ своимъ чередомъ богослужебный звонъ возвѣстилъ время литургіи. Священникъ Мурзакевичъ, какъ очередной, съ діакономъ началъ литургію, а другой священникъ, Головкинъ, наканунѣ этого дня съ семействомъ

[21]) Въ черновикѣ подробнѣе: „всѣ священники возвратились въ мокрыхъ ризахъ, до того, что текло изъ нихъ; но Преосвященный съ иконою Божіей Матери шли подъ зонтомъ большого размѣра, и только онъ и не былъ облитъ дождемъ". (Стр. 24).

[22]) Въ черновикѣ опустѣніе города и положеніе Н. А. Мурзакевича изображены обстоятельнѣе: „Тоска и ожиданіе сильнаго сраженія насъ ужасали; городъ опустѣлъ: кто могъ выѣзжать, тотъ выбирался; а нашъ батюшка не могъ тронуться съ мѣста, не имѣя ни лошадей, ни денегъ. Только успѣлъ упросить свояка своего, полкового священника Іоанна Богородицкаго, взять старшую дочь Александру и сына старшаго Илію, чтобы доставилъ въ городъ Вязьму тоже къ свояку, соборному священнику Симону, въ возмездіе за то, что его сынъ у насъ содержался, когда учился въ семинаріи; а мы—сестры Елена и Екатерина, братья Константинъ, Иванъ и малолѣтній Николай 6 лѣтъ и престарѣлая бабушка—должны были оставаться въ Смоленскѣ. (Стр. 24).

[23]) Въ черновикѣ: „въ десяти верстахъ отъ города, въ селеніи Новомъ Дворѣ". (Стр. 24).

[24]) Въ черновикѣ прибавлено: „остатки благочестивыхъ прихожанъ говѣли, чтобы пріобщиться 6 августа, въ день Преображенія Христова". (Стр. 24). Кромѣ того, какъ видно изъ обоихъ текстовъ, 3 августа падало на субботу (хотя полагаться на твердость хронологіи автора нельзя).

скрылся изъ города. Малочисленные прихожане, и особенно изъ благочестивыхъ старухъ, не оставили храма Божія. Началась литургія обычнымъ порядкомъ, пропѣли „Святый Боже"; и вотъ прогремѣлъ выстрѣлъ [25])—и потомъ тишина. По прочтеніи же Евангелія вдругъ нѣсколько оглушительныхъ залповъ со стороны Королевской Крѣпости и Молоховскихъ воротъ привели молящихся въ трепетъ, и невольно слезы исторгнулись, и громкій говоръ произошелъ между старухами, такъ что священникъ долженъ былъ изъ алтаря выйти къ нимъ и едва могъ уговорить, чтобы не плакали въ голосъ и не мѣшали отправленію литургіи. Въ продолженіе литургіи было нѣсколько сильныхъ залповъ, и потомъ мало по малу только изрѣдка стали стрѣлять. Послѣ узнали, что французы къ Королевской Крѣпости и Молоховскимъ воротамъ шли на приступъ, думая, что малочисленность защитниковъ города не устоитъ противъ ихъ сильнаго напора, какъ было подъ г. Краснымъ. Но надежда (стр. 5) ихъ не сбылась, и дружный отпоръ нашихъ войскъ охладилъ въ нихъ рвеніе на тотъ день дѣлать нападеніе на городъ. А между тѣмъ противъ Королевской Крѣпости стали устраивать редутъ, чтобы безопаснѣе для артиллеристовъ поражать городъ и крѣпость. Послѣ выстрѣловъ тотчасъ же потянулись лазаретныя кареты съ тяжело ранеными; стоны и льющаяся кровь изъ ранъ невольно привели въ содраганіе. Вотъ опять и опять везутъ на мужицкихъ подводахъ раненыхъ артиллеристовъ, съ оторванными ногами и безъ перевязки; ихъ обступили нѣсколько жителей; но это состраданіе и слезы жителей приводили раненыхъ въ негодованіе и чрезъ то ихъ страданіе усиливали, а посему раненые просили, чтобы отошли и не смотрѣли на нихъ. Легко раненые, опираясь на ружья, одинъ за однимъ шли отъ Королевской Крѣпости и Молоховскихъ воротъ. Въ это-то время, по окончаніи литургіи, священникъ Мурзакевичъ съ діакономъ Курочкинымъ выбрали мѣсто въ церкви, чтобы скрыть лучшую ризницу и сосуды церковные съ иконою Божіей Матери. И когда укладка кончилась, то священникъ Мурзакевичъ, по ревности и усердію своему, съ запасными Св. Дарами, съ малою иконою Божіей Матери, крестомъ и св. водою, несомыхъ за нимъ его 13-лѣтнимъ

[25]) Въ черновикѣ прибавлено: „съ Королевской крѣпости". (Стр. 25).

сыномъ Константиномъ, пошелъ къ Королевской Крѣпости [26]); но на то время уже усиленный бой на время ослабѣлъ: пушечная пальба продолжалась только съ размѣномъ выстрѣловъ съ той и другой стороны; но стрѣлковая пальба шла со всѣмъ ожесточеніемъ. Жители изъ любопытства взошли на стѣну, чтобы видѣть сраженіе, а ребятишки падающія оружейныя пули поднимали и одинъ у другого отнимали. Никто не могъ предполагать, чтобы городъ, укрѣпленный крѣпкою, трехсаженной толщины стѣною, могъ быть отданъ непріятелю, и потому нашлись смѣльчаки обозрѣвать сраженіе. Въ 12 часовъ дня священникъ Мурзакевичъ возвратился къ обѣду и потомъ опять пошелъ къ Королевской Крѣпости [27]). Здѣсь онъ встрѣтился съ генераломъ Паскевичемъ (впослѣдствіи фельдмаршалъ), которому въ тотъ день была ввѣрена оборона Королевской Крѣпости; замѣтивши неустрашимость и рвеніе Мурзакевича, онъ записалъ его фамилію, видя, что онъ подъ выстрѣлами надъ его головою летавшихъ пуль и ядръ хладнокровно выполнялъ свой долгъ, исповѣдуя и пріобщая тяжело раненыхъ [28]). Но съ наступленіемъ времени вечерняго онъ служилъ вечерню, и на завтра, 5 августа, служилъ утреню и литургію. Съ самаго начала утренней зари перестрѣлка между передовыми стрѣлками началась, и изрѣдка обмѣнивалась пушечными выстрѣлами; и жители въ теченіе прошлаго

[26]) Въ черновикѣ прибавлено: „а я только высматривалъ противъ церкви, какъ везли тяжело раненыхъ, а легко раненые по одному и по два шли сами, опираясь на ружья". (Стр. 25).

[27]) Въ черновикѣ важныя подробности: „и обходилъ вокругъ города съ иконою и крестомъ, окроплялъ святою водою сражавшихся и исповѣдывалъ и пріобщилъ нѣсколько тяжело раненыхъ". (Стр. 25).

[28]) Въ черновикѣ разсказано про послѣдствія этого подвига: „Генералъ Паскевичъ, въ то время бывшій съ своею 26 дивизіей на Королевской Крѣпости, записалъ его, но впослѣдствіи времени никакой награды не послѣдовало; и [за] этотъ подвигъ самоотверженія—впослѣдствіи, когда Паскевичъ, послѣ заграничнаго похода, возвратился съ 2-ою гренадерскою дивизіею [и] далъ свидѣтельство отцу, что онъ окроплялъ войска, исповѣдывалъ и пріобщалъ раненыхъ,—и за то въ 1818 году октября 27 дня получилъ скуфію: тѣмъ его подвигъ только и награжденъ". (Стр. 25). Текстъ свидѣтельства, о которомъ упоминаетъ авторъ, и ходатайства генерала И. Ѳ. Паскевича передъ епископомъ Смоленскимъ Іоасафомъ о награжденіи Н. А. Мурзакевича за подвигъ 4 августа 1812 г. приведены въ книгѣ, указанной въ библіографіи подъ цифрой 1. Скуфья, о которой такъ пренебрежительно отзывается авторъ, была тогда, по словамъ И. И. Орловскаго, высшей наградой духовенства.

дня свыклись съ выстрѣлами и были покойны, думая, что и этотъ день такъ же пройдетъ, какъ минувшій. Послѣ литургіи священникъ Мурзакевичъ опять съ сыномъ Константиномъ отправились къ Королевской Крѣпости [29]). Но съ утра того дня на мѣсто корпуса Раевскаго пришелъ въ городъ корпусъ Дохтурова и заступилъ всю боевую линію; смѣнившіяся же войска въ девять часовъ шли отъ Королевской Крѣпости и Молоховскихъ воротъ чрезъ городъ съ музыкою и барабаннымъ боемъ, и примѣтно было, что батальоны уменьшились потерею людей. Лица и руки у всѣхъ солдатъ были черны отъ пороха, губы—запекшіяся; усталость и изнеможеніе видны были на всѣхъ лицахъ. Жители по усердію выносили яблоки, дули, груши и калачи, а женщины—въ ведрахъ воду. Но по приказанію офицеровъ не позволялось (стр. 6) пить много, чтобы не постигла кого болѣзнь или апоплексія, послѣ суточнаго истомленія и внутренняго жара. Съ 9-ти часовъ со всѣхъ сторонъ города стала усиливаться ружейная и пушечная пальба. Съ Покровской горы и около кладбищенской Гурьевской церкви изъ тяжелой артиллеріи наши громили непріятеля во фланги и тѣмъ причиняли въ рядахъ непріятеля большой ущербъ. Къ 10 часамъ кладбищенская церковь, что по дорогѣ къ г. Красному [30]), запылала, и дымъ отъ нея видимъ былъ изъ города; наконецъ, и близъ стоящая слобода, называемая Солдатская, запылала [31]). Тогда наши войска отступили за стѣны города и по стѣнѣ расположились, и оттуда поражали враговъ, будучи безопасны отъ выстрѣловъ.

Священникъ Мурзакевичъ съ самаго утра не возвращался въ домъ, почему дѣти его, думая, что не убитъ ли онъ гдѣ, выслали узнать свою служанку; но та, болѣе часа ходивши, не могла его найти, а слышала отъ нѣсколькихъ солдатъ

---

[29]) Въ черновикѣ интересная подробность: „братъ несъ за отцомъ воду; и когда ему какой-то раненый офицеръ далъ ружье убитаго солдата, онъ съ такимъ восторгомъ принесъ его домой, что мы всѣ были удивлены его воинственному духу. Батюшка болѣе трехъ часовъ обходилъ городъ и окроплялъ ряды солдатъ св. водою, а раненыхъ исповѣдывалъ и пріобщалъ, такъ что у него не стало Св. Даровъ. (Стр. 26).

[30]) Въ черновикѣ: „кладбищенская Всѣхъ Святыхъ церковь за соляными амбарами"... (Стр. 26).

[31]) Въ черновикѣ: „этотъ поджогъ сдѣланъ нашими войсками, чтобы остановить стремленіе войскъ французскихъ". (Стр. 26).

и офицеровъ, что видѣли священника съ мальчикомъ, ходившаго съ крестомъ и святою водою; но никто не могъ утвердительно сказать, куда именно пошелъ; съ этимъ служанка и возвратилась къ дѣтямъ. Но онъ по ревности своей до того былъ увлеченъ, что и забылъ объ опасности, пока не пролетѣло надъ головою его ядро; это случилось около Аврааміевской башни. И противъ этого мѣста, т. е. на восточной сторонѣ города, на горѣ, былъ расположенъ корпусъ Понятовскаго; и послѣ, когда взятъ былъ городъ, то изъ польскихъ войскъ одинъ офицеръ говорилъ, что видѣлъ священника съ мальчикомъ, и, вѣроятно, пролетѣвшее ядро надъ головою было предназначено для священника. Въ 11 часовъ передъ полуднемъ пальба пушечная и ружейная по всей линіи прекратилось [32]), и слышно стало отъ солдатъ, что Наполеонъ велѣлъ отступить сблизившимся къ городу своимъ войскамъ, чтобы выманить войска русскія изъ города. Но, видя, что русскія войска не трогаются съ своихъ мѣстъ, занятыхъ по стѣнамъ городскимъ, черезъ часъ велѣлъ усилить пальбу: и противъ Молоховскихъ воротъ до шестидесяти орудій начали бросать въ городъ бомбы, ядра, брандскугели и пули; колонны пѣхоты начали залпами поражать нашихъ по стѣнамъ. Ядра и брандскугели, падавшіе въ дома, по Молоховской улицѣ стоящіе, сожигали строенія; пламя, дымъ и трескъ лопавшихся снарядовъ, свистъ ружейныхъ пуль, долетавшихъ до Одигитріевской церкви,—превратили эту часть города въ поле сраженія; нѣсколько солдатъ, проходившихъ по этой части города, были ранены и убиваемы. И когда среди сражавшихся нашихъ войскъ небезопасно было, то священникъ Мурзакевичъ, исполнивши священный долгъ пастыря, долженъ былъ позаботиться и о дѣтяхъ, и, видя, что городу невозможно устоять противъ многочисленнаго непріятеля, возвратился пополудни во второмъ часу дня; блѣдный, унылый вошелъ въ домъ. Дѣти по свойственному любопытству всходили на возвышенныя мѣста въ домѣ и издали смотрѣли, какъ наши на стѣнѣ городской отстрѣливались. Отецъ сказалъ дѣтямъ, что городъ со всѣхъ сторонъ окруженъ непріяте-

[32]) Въ черновикѣ подробности: „и только съ Покровской горы и около такъ называемаго Окопа, гдѣ находится за Днѣпромъ церковь кладбищенская Гурьевская, видна и слышна была нашихъ войскъ пальба изъ пушекъ. (Стр. 26).

лемъ, и что нѣтъ никакой надежды, чтобы наши отстояли городъ [33]). Въ 2 часа пополудни онъ сказалъ дѣтямъ, чтобы шли въ церковь, и тамъ нашелъ болѣе тридцати престарѣлыхъ женщинъ. Онъ сказалъ имъ, что будетъ читать акаѳистъ Господу Іисусу, сталъ на колѣни и прихожанамъ тоже велѣлъ становиться, въ сторону отъ оконъ, противъ стѣнъ, чтобы на случай (стр. 7) быть защищенными отъ пуль. Чтеніе акаѳиста продолжалось около получаса. Громъ пушечныхъ выстрѣловъ до того былъ оглушителенъ, что акаѳистнаго чтенія не слышно было въ церкви [34]). Въ это время двѣ дочери, остававшіяся въ домѣ, были испуганы ядромъ, мимо нихъ пролетѣвшимъ, которое влетѣло въ сѣни и, ударившись о двери зала, отскочило; но какъ ослабѣло, то никакого вреда не сдѣлало; а другое ядро на вылетъ чрезъ двѣ стѣны пролетѣло, пробило столбъ и въ уголъ смежнаго съ домомъ чулана сдѣлало впадину и, упавши, лопнуло на нѣсколько частей. Отъ испугу дочери прибѣжали въ церковь къ отцу и разсказали, что опасно быть въ домѣ. Въ это время къ священнику подошелъ отставной какой-то гражданскій чиновникъ и просилъ священника Мурзакевича выисповѣдать его [35]). Прочитавши обычную молитву исповѣди, священникъ отвелъ его къ лѣвому клиросу для исповѣди, какъ въ это время влетаетъ въ верхнее окно ядро, ударилось выше пола на пять аршинъ въ лѣвую стѣну, около которой стояло на колѣняхъ нѣсколько женщинъ. Ядро отскочило отъ стѣны, и въ это мгновеніе всѣ женщины выбѣжали изъ главной церкви въ придѣльную; ядро съ трескомъ лопнуло, разбило лѣвый клиросъ и осколкомъ дерева ударило исповѣдывавшагося, а священникъ

[33]) Въ черновикѣ возвращеніе Н. А. Мурзакевича и поведеніе дѣтей изложено болѣе подробно: „Онъ сѣлъ на кресло, облокотившись на столъ, блѣдный, молчаливый; болѣе часа сидѣлъ, никому и ничего не говоря; а мы безпрестанно то одинъ, то другой выходили на возвышенныя мѣста и даже на колокольню своей Одигитріевской церкви, какъ вдругъ мимо самой колокольни пролетѣло ядро, и мы, какъ воробьи, разсыпались и сошли внизъ". (Стр. 26).

[34]) Въ черновикѣ въ этомъ мѣстѣ прибавлено: „Мы всѣ, его дѣти, были въ церкви, изъ дверей смотрѣли, какъ вся Молоховская церковь запылала, видѣли, какъ въ дома опустѣлые летали брандскугели, и зажигались дома нашего прихода". (Стр. 27).

[35]) Въ черновикѣ прибавлено: „какъ готовящагося къ принятію Св. Таинъ въ день Преображенія". (Стр. 27). См. прим. 24.

Икона Смоленской Божіей Матери Одигитріи,
находящаяся въ Надворотней Богоматерской церкви.

въ это мгновеніе вбѣжалъ въ алтарь; всѣ стекла въ церкви отъ треска полопались и, зазвенѣвши, упали на полъ, устлавши весь помостъ церкви; церковь вся наполнилась дымомъ. И вдругъ женщины закричали, что священника убило. Эта минута была для дѣтей страшна до того, что въ оцѣпенѣніи они ничего не могли сказать; какъ видятъ своего отца, выходящаго изъ дыма, блѣднаго и осматривающаго, не убитъ ли кто изъ дѣтей. Это взаимное опасеніе насчетъ жизни сильное сдѣлало потрясеніе[36]). Здѣсь-то священникъ, побуждаемый страхомъ, рѣшился съ дѣтьми пѣшкомъ выйти изъ города. Престарѣлая мать священника, услышавши такую рѣшимость, бросилась на грудь къ нему и, заплакавши, сказала: „Неужели ты меня оставишь на съѣденіе собакамъ?“ и умоляла его гдѣ-нибудь спрятаться. Но крикъ дѣтей, требовавшихъ итти изъ города, привелъ его въ недоумѣніе. Дѣти рѣшительно объявили, чтобы уходить изъ города, и дѣтскій вопль превозмогъ материнскій[37]). Онъ съ большою осмотрительностію вошелъ въ домъ; всѣ дѣти по силамъ забрали, кто что могъ, изъ лучшаго платья, а на служанку взвалили большой узелъ платья; и такъ шли около стѣнъ домовъ, укрываясь отъ безпрестанно падавшихъ пуль. Но когда взошли на большую улицу, то противъ Троицкаго монастыря стоялъ батальонъ въ колоннѣ и пропустилъ уходившаго священника съ дѣтьми; на мосту каменномъ, простиравшемся около архіерейской пѣвческой, другой батальонъ между своихъ рядовъ пропустилъ бѣгущихъ; но когда поравнялся съ Соборомъ, здѣсь только опомнился Мурзакевичъ и сказалъ дѣтямъ, чтобы итти [въ Соборъ], и [что лишь] приложившись къ иконѣ Божіей Ма-

[36]) Въ черновикѣ разсказанъ лишній эпизодъ: „Вдругъ въ это время страшная пальба сдѣлалась въ Молоховскихъ воротахъ; громкое „ура!“ и затѣмъ залпы артиллеріи привели насъ въ отчаяніе, и слышимъ, что французы ворвались въ городъ. Но черезъ нѣсколько минутъ видимъ, что три солдата идутъ, какъ одинъ изъ нихъ падаетъ отъ пушечнаго ядра: дымъ столбомъ пошелъ отъ убитаго. Потомъ видимъ, что четыре пушки везутъ съ пятью только артиллеристами; нѣсколько изъ нихъ подошли къ церкви, чтобы дали [имъ] напиться, и отъ нихъ-то мы узнали, что французы отбиты и прогнаны изъ города“. (Стр. 27).

[37]) Въ черновикѣ точнѣе: „Усиленныя ея просьбы на время заставили [его] призадуматься. Но страшная пальба, бомбы, ядра и ружейныя пули усилившіяся, съ четырехъ часовъ стали усиленно падать. Мы стали кричать: „Батюшка, уйдемъ изъ города, насъ побьютъ!“ (Стр. 27).

тери онъ пойдетъ съ ними изъ города. Вошедши въ Соборъ, въ дверяхъ церкви онъ увидавши соборнаго священника отца Василія Щировскаго, разсказалъ случившееся. Священникъ Щировскій сказалъ, что чудотворную икону Божіей Матери взялъ съ собою Преосвященный Ириней и отправился со всѣми пѣвчими и ключаремъ въ Москву, и что онъ только одинъ остался при Соборѣ съ сыномъ, чтобы отправлять служеніе. (стр. 8) Тутъ Мурзакевичъ разсказалъ ему объ опасности оставаться въ городѣ, и что онъ намѣренъ уходить съ дѣтьми. Священникъ Щировскій, посмотрѣвши на дѣтей, сталъ совѣтовать остаться въ Соборѣ, пока кончится сраженіе, а если войдутъ французы въ городъ, то въ Соборѣ много есть скрытныхъ мѣстъ, куда можно спрятаться. Мурзакевичъ принялъ этотъ совѣтъ и остался съ дѣтьми въ Соборѣ [38]). Когда наступилъ шестой часъ пополудни, то священникъ Щировскій приказалъ благовѣстить ко всенощной, такъ [какъ] на завтра былъ день Преображенія Господня. Тысячепудовой колоколъ едва былъ слышенъ, заглушаемый громомъ выстрѣловъ. Началась всенощная по обычаю. Громъ артиллеріи, раздаваясь по обширнымъ сводамъ Собора, заглушалъ пѣніе и чтеніе. Къ семи часамъ кончилось служеніе. Пламя пожара въ пяти частяхъ города разливалось потокомъ. Дымъ отъ выстрѣловъ заслонялъ сражавшихся: какъ ни всходили высоко на хоры и главу соборную, но ничего нельзя было различить; только, изъ ближайшихъ мѣстъ отъ Собора, можно было видѣть пушечные выстрѣлы по Покровской горѣ нашей артиллеріи. Къ 8-ми часамъ, по закатѣ солнца, примѣтно стало движеніе нашихъ войскъ, и пальба стала постепенно уменьшаться, а съ сумерками совершенно прекратилась. Въ то же время выносили изъ города образъ Воротней Божіей Матери по приказанію Багратіона, и по-

[38]) Въ черновикѣ мотивы рѣшенія остаться въ городѣ изложены полнѣе: „Соборъ былъ отпертъ; въ дверяхъ, видимъ, стоитъ престарѣлый священникъ, отецъ Василій Щировскій. Этотъ священникъ и остановилъ батюшку и сказалъ, что все равно мы далеко не уйдемъ отъ города и по малолѣтству нашему на пяти верстахъ ослабѣемъ и попадемся французамъ; а лучше оставаться здѣсь, въ Соборѣ, который безопасенъ былъ въ то время отъ выстрѣловъ, и ожидать, что Богъ дастъ; притомъ же въ Соборѣ столько есть мѣстъ, гдѣ можно укрыться отъ французовъ. Батюшка послушался его добраго совѣта". (Стр. 28).

слѣдній звонъ колокола Благовѣщенской церкви, гдѣ въ то время находилась икона, возвѣстилъ слышавшимъ, что Матерь Божія оставляетъ городъ и Заступница Усердная спутешествуетъ благочестивому воинству: объ этомъ сказалъ вошедшій въ Соборъ іеромонахъ Амвросій, остававшійся при архіерейскомъ домѣ [39]). Въ 9-ть часовъ вечера изъ проходившихъ войскъ мимо Собора заходили солдаты и офицеры, съ грустью возвѣщали, что велѣно отступать [40]); они ставили свѣчи предъ иконами, молились на колѣняхъ. Такое усердное благоговѣніе только можно видѣть въ русскомъ солдатѣ. При сумракѣ ночи, но отъ пламени пожара, въ Соборѣ можно было различать предметы. Священникъ Мурзакевичъ въ десять часовъ ночи пошелъ къ своей церкви съ нѣсколькими человѣками и велѣлъ служанкѣ съ дѣтьми итти въ домъ, чтобы и остальное имущество забрать [41]). Въ домѣ найдено, что сундуки отбиты, все съѣстное забрано, но изъ платья ничего не взято: и здѣсь виденъ характеръ честности русскаго солдата. Офицеры торопили солдатъ, чтобы скорѣе выходили изъ города; но погреба и лавки были всѣ пусты, потому что купечество всѣ товары успѣло вывезти изъ города [42]). Вошедши въ церковь, священникъ Мурзакевичъ по стекламъ, трещавшимъ подъ ногами, вошелъ въ алтарь, снялъ съ престола антиминсъ, кресты и евангеліе, успѣлъ снять съ мѣстныхъ иконъ серебряныя

[39]) Въ черновикѣ эпизодъ выноса иконы разсказанъ съ нѣкоторыми подробностями: „Къ 8-ми часамъ изрѣдка стала слышна пальба, какъ слышимъ въ то время, что въ Благовѣщенской церкви звонятъ во всѣ колокола. Тутъ мы узнали, что за иконою Божіей Матери, предназначенной стоять въ отстраивающейся церкви, что надъ Днѣпровскими воротами, прислалъ главнокомандующій 2-ою арміею Багратіонъ полковника артиллерійскаго. И во время выноса, по отпѣніи молебна на Днѣпровскомъ мосту, она взята въ армію. Приходитъ іеромонахъ Амвросій и все намъ подробно разсказалъ". (Стр. 28).

[40]) Въ черновикѣ прибавлено: „Съ этимъ извѣстіемъ мы обмерли отъ страха: намъ вообразилось, что непріятель будетъ рѣзать и убивать насъ, какъ [въ] былыя татарскія и литовскія времена". (Стр. 28).

[41]) Въ черновикѣ разсказана необходимая для послѣдующаго изложенія деталь: „Когда мы проходили по улицѣ большой, то должны были пробираться между головъ и ногъ какого-то Егерскаго полка, расположившагося по Соборной и Троицкой улицѣ; но никто намъ ни слова не сказалъ: сонъ и изнеможеніе ихъ до того были, что на каменной мостовой спали многіе безпробудно". (Стр. 29).

[42]) Въ черновикѣ иначе: „Солдаты всѣ дома обыскивали, чтобы изъ съѣстного что достать: лавки и погреба всѣ были опустошены". (Стр. 28).

ризы вызолоченныя и приказалъ пришедшимъ съ нимъ нести въ Соборъ; такимъ образомъ, что можно [было] спасти и упрятать, то спасено въ Соборѣ на хорахъ и до сихъ поръ служитъ украшеніемъ Одигитріевской церкви[43]). (стр. 9)

Когда возвращались изъ церкви въ 11 часовъ ночи по большой улицѣ, ведущей къ Собору, то Егерскаго полка уже не было на дорогѣ, а только караулы стояли около Троицкой церкви. Священникъ Мурзакевичъ съ поспѣшностію шелъ, опасаясь, чтобы его не захватили съ церковными вещами французы. Спать во всю ночь никто не могъ. Съ разсвѣтомъ утра въ 4 часа [6-го] августа проскакалъ казакъ и, обгоняя жителей, выходящихъ изъ города, кричалъ, чтобы какъ можно скорѣе уходили изъ города, что уже въ Молоховскихъ воротахъ показались французы. Тогда заперлись въ Соборѣ извнутри, загасили зажженныя свѣчи предъ иконами, чтобы не подать вида, что есть люди въ Соборѣ. Наконецъ, входитъ кто-то, постучавшись, въ Соборъ и говоритъ, что нѣсколько вошло въ городъ французовъ. При восходѣ солнца, изъ круглаго окна видно было, что отрядъ французовъ сходилъ съ Соборной горы къ Днѣпровскимъ воротамъ, осматривались по сторонамъ и остановились у самыхъ Днѣпровскихъ воротъ. Тутъ вдругъ пламя поднялось отъ смежныхъ лавокъ къ Днѣпровскому мосту, и самый мостъ запылалъ. Изъ оконъ, что на хорахъ Собора, видно было, что войска русскія на Покровской горѣ устраивались; блескъ солнечныхъ лучей, отражавшихся на ружьяхъ, показывалъ, что наши готовились къ чему-то: выстроились около Егорьевской церкви, сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ и начали входить въ Петербургскую заставу съ барабаннымъ боемъ. Потомъ видно стало, что французы отыскали бродъ и, разувшись, начали переходить черезъ рѣку. Въ то время пламя усилилось и охватило весь

[43]) Въ черновикѣ эпизодъ спасенія церковнаго и своего имущества разсказанъ подробнѣе: „Когда я вошелъ съ батюшкой въ церковь, то многія женщины и старухи, оставшіяся послѣ насъ [въ церкви], помогли отцу снять съ образовъ оклады серебряные, вынести нѣсколько сосудовъ и упрятать на печи церковной лучшую ризницу и сосуды церковные; все это дѣлалось съ чрезвычайною поспѣшностію, чтобы не помѣшали французы. Но что могли сдѣлать и унесть изъ церкви двѣ—три женщины? Изъ дому своего мы все цѣнное перенесли въ Соборъ и запрятали на хорахъ и подъ крышею въ темномъ мѣстѣ; туда же посносили и церковныя вещи". (Стр. 29).

Днѣпровскій мостъ [44]). Русскіе, вошедши въ предмѣстье города, начали пушечную и ружейную стрѣльбу по городу, остановились противъ Никольской церкви и около получаса времени стрѣляли [45]). Въ это время видно стало, что на городскую стѣну взошло нѣсколько французовъ и стрѣляли по русскимъ; потомъ въ Воротнюю церковь встащили двѣ пушки и стали производить пальбу; Наполеонъ въ то время былъ тамъ и самъ наводилъ пушки. Около 9-ти часовъ утра все предмѣстье Днѣпровское съ тремя церквами—Петропавловскою, Никольскою и Воздвиженскою—запылало; около самаго Собора за оградою тоже поставлена была пушка французами. Тутъ громъ пушекъ, свистъ ядръ и трескъ горящихъ зданій представлялъ цѣлый адъ. Жаръ отъ пламени пожара до того былъ силенъ, что въ пятистахъ саженяхъ невозможно было стоять. Нѣсколько ружейныхъ пуль упали въ окна соборныя, и стекла выбитыя забрезжали [46]). Изъ оконъ Собора видно было движеніе войскъ русскихъ и безпрестанно умножавшіяся силы французовъ. Русскія ядра и пули мѣтко падали и поражали французовъ, такъ что и не сражавшимся досталось, которые на дворѣ архіе-

[44]) Въ черновикѣ точнѣе: „Потомъ видно стало, что и французскій батальонъ по Соборной горѣ спускаться сталъ къ Днѣпровскимъ воротамъ; потомъ къ Днѣпру подошли, отыскали мелкое мѣсто, разулись и начали переходить черезъ рѣку. Въ то время пламя на мосту усилилось, и имъ не удалось потушить огонь". (Стр. 29).

[45]) Въ черновикѣ эти военныя дѣйствія описаны подробнѣе: „Вотъ наши стали входить въ Петербургское предмѣстье съ крикомъ „ура!", съ выстрѣлами; батальонъ [французовъ], перебравшійся черезъ Днѣпръ, въ сторону уклонился и въ другую улицу; а наши подошли къ такъ называемой Новой Крѣпости и, нѣсколько сдѣлавши залповъ въ городъ, стали на Воздвиженской улицѣ и, засѣвши по домамъ и огородамъ, стрѣляли въ французовъ, помѣстившихся по городской стѣнѣ". (Стр. 29).

[46]) Въ черновикѣ детали: „Нѣсколько пуль ружейныхъ попало въ соборное окно—тутъ мы [стояли на хорахъ]—и падали даже на крышу; а на ту бѣду батюшка приказалъ дочерямъ Еленѣ и Екатеринѣ запрятаться подъ крышею, и для нихъ страшно было сидѣть. Къ семи часамъ утра слышимъ усиленную пальбу; но мы были въ то время въ безопасномъ мѣстѣ: заперлись себѣ въ Соборѣ, запрятались на хоры, да и сидимъ; а французы какъ будто бы и позабыли о насъ: не идутъ ни грабить, ни рѣзать насъ. Нѣсколько человѣкъ пришло изъ города, и тогда мы услышали, что они грабить мастера, зато никого не рѣжутъ и не убиваютъ; вотъ нашъ дѣтскій страхъ и прошелъ: грабить-то ужъ пусть грабятъ, да только тѣмъ хорошо, что не будутъ убивать. А сраженіе идетъ своимъ чередомъ". (Стр. 30).

рейской конюшни дѣлили между собою награбленное въ городѣ имущество; и даже одно ядро влетѣло въ церковь Воротнюю, и едва не досталось Наполеону; слѣды упавшаго ядра были видны на дверяхъ стеклянныхъ, и осколкомъ разорвало картину, висѣвшую на стѣнѣ. Усталость и изнеможеніе дѣтей священника до того были сильны, что на хорахъ расположились спать, но безпрестанные выстрѣлы прерывали сонъ; такимъ образомъ ко всему постепенно привыкаетъ человѣкъ. (стр. 10) При наступленіи полудня дѣти священника хлѣбомъ съ огурцами пообѣдали и послѣ уже нѣкоторые изъ нихъ сошли съ хоръ, увѣрившись, что французы не бьютъ, не рѣжутъ жителей, а только обдираютъ. Потомъ нѣсколько семействъ начали перебираться изъ своихъ домовъ съ семействами и пожитками, избѣгая боя, насилія и грабежа. Къ вечеру священникъ Мурзакевичъ и отецъ Василій Щировскій ободрились [47]). Многіе изъ офицеровъ французскихъ входили въ Соборъ, осматривали съ удивленіемъ огромное и великолѣпное зданіе, а за ними и солдаты, и нѣкоторыхъ [изъ жителей] обыскивали, чтобы отнять хлѣбъ. Въ шесть часовъ вошелъ въ Соборъ Неаполитанскій король Мюратъ съ своими адъютантами и разспрашивалъ у священниковъ черезъ переводчиковъ, кѣмъ и когда устроенъ Соборъ [48]). Священникъ Мурзакевичъ, какъ историкъ, на всѣ вопросы удовлетворительно отвѣчалъ и потомъ сказалъ, что солдаты входятъ въ Соборъ и грабятъ людей; онъ тотчасъ же велѣлъ приставить караулъ въ дверяхъ Собора и кромѣ офицеровъ никого не пускать [49]); и по этому приказанію во все время занятія города французами [при Соборѣ] постоянно находились часовые, такъ что послѣдній часовой при занятіи города русскими былъ взятъ въ плѣнъ, и чрезъ это Соборъ остался цѣлъ. Потомъ король Мюратъ просилъ указать возвышенное мѣсто, съ ко-

[47]) Въ черновикѣ подробнѣе: „Вотъ и батюшка сошелъ съ хоръ въ Соборъ и сталъ посмѣлѣе, а старикъ отецъ Василій и не прятался къ намъ на хоры, а все время расхаживалъ по церкви". (Стр. 30).

[48]) Въ черновикѣ прибавлено: „удивлялся огромности Собора и особенно великолѣпію иконостаса, позолотѣ и его рѣзной работѣ". (Стр. 31).

[49]) Въ черновикѣ прибавлено: „А на другой день, 7 августа, былъ поставленъ караулъ изъ старой Наполеоновской гвардіи и занялъ себѣ мѣста на амвонѣ, среди Собора, гдѣ обыкновенно облачаютъ архіерея. Входили же въ соборъ въ шапкахъ, шляпахъ, съ собаками и трубками во рту". (Стр. 31).

тораго можно было посмотрѣть на сраженіе. Священники указали на колокольню. Но туда столько забралось солдатъ французскихъ, что было тѣсно, и [они] во всѣ колокола звонили съ крикомъ и смѣхомъ; и этотъ безпорядочный звонъ болѣе четырехъ дней производился: самоволіе французовъ никѣмъ не было останавливаемо. Неаполитанскій король со всѣмъ своимъ штабомъ занялъ архіерейскій домъ, и на всѣхъ выходахъ былъ поставленъ усиленный караулъ, и даже около соборной ограды [50]). Такимъ образомъ кончился достопамятный день 6-го августа. Службы Божіей не было изъ опасенія, чтобы непріятели не вторгнулись въ Соборъ. Къ вечеру того дня по Соборной горѣ начали проходить французскія войска съ музыкою и барабаннымъ боемъ: видно было, что занятіе Смоленска было для нихъ событіемъ знаменитымъ. Громъ музыки и барабаннаго боя тревожилъ находившихся въ Соборѣ [51]). Пожаръ Заднѣпровской стороны кровавымъ пламенемъ представлялъ страшную картину ада. И ночь была свѣтла, и всѣ предметы представлялись ясно при заревѣ пожара. И въ эту же ночь въ Одигитріевскомъ приходѣ было подожжено нѣсколько домовъ, и [это] усилило страшную картину пожара. Такимъ образомъ въ теченіе сутокъ третья часть города [была] истреблена, такъ что навѣрное можно положить 1000 домовъ [52]). 7-го августа наши русскія войска отступили съ Покровской

[50]) Въ черновикѣ время занятія архіерейскаго дома Мюратомъ отнесено къ 7 августа: „7 августа наши войска отступили отъ города... Въ этотъ день Мюратъ занялъ архіерейскій домъ: итакъ, вся ризница и утварь, оставленная въ кладовыхъ, досталась прислугѣ Мюрата". (Стр. 31). Въ дневникѣ самого Н. А. Мурзакевича занятіе архіерейскаго дома Мюратомъ записано подъ 6 августа. См. Ист. г. Смоленска. Прилож., стр. 60.

[51]) Въ черновикѣ подробнѣе: „Наступила ночь; и вотъ полки стали проходить съ музыкою, барабаннымъ боемъ. Эхо такъ громко отзывалось, что мѣшало намъ спать во всю ночь". (Стр. 31).

[52]) Въ черновикѣ развитіе пожара Смоленска изложено яснѣе: „Въ этотъ же день (по связи съ текстомъ—6 августа. Прим. ред.) съ утра самаго былъ зажженъ заднѣпровскій форштадтъ, и три прихода съ ихъ церквами—Никольскою, Петропавловскою и Воздвиженскою— горѣли; пламя пожара такъ было сильно, что въ четверти версты (въ бѣловикѣ выше—„въ пятистахъ саженяхъ". Прим. ред.) невозможно было стоять; вдобавокъ къ этому нашего прихода вся улица Молоховская выгорѣла еще съ 5 на 6 августа; а въ ночи на 7 число остальные домы съ лавками и товарами были подожжены, и до Вознесенскаго прихода все выгорѣло. Такимъ образомъ въ теченіе сутокъ болѣе 1000 домовъ въ городѣ выгорѣло". (Стр. 31).

горы, но сраженіе продолжалось: вдали пушечные выстрѣлы были еще явственно слышны. Войска непріятельскія длинною стѣною безпрерывно тянулись по Соборной горѣ въ три линіи: пѣхота, артиллерія и кавалерія, и оттого въ тѣсныхъ мѣстахъ останавливались, и особенно на мостахъ понтонныхъ, наведенныхъ въ ночи чрезъ Днѣпръ. Въ этотъ день священникъ Мурзакевичъ осмѣлился пойти за ограду соборную, но три француза схватили его и хотѣли ограбить: онъ едва могъ вырваться и скрыться отъ нихъ. Потомъ слышно стало, что прислуга короля Мюрата добралась до кладовой ризницы архіерейской и теплаго Собора: священникъ Василій Щировскій едва могъ спасти одну только половину царскихъ серебряныхъ вратъ, а другая половина была похищена, а также и съ образовъ содраны серебряные оклады. (стр. 11) Если бы предварительно сдѣлано было распоряженіе о сохраненіи церковной утвари, то, вѣроятно, не было бы такой утраты; но всякій заботился о себѣ, и драгоцѣнныя двѣ архіерейскія панагіи и крестъ наперсный, усыпанные брилліантами, не достались бы французамъ. Соборный ключарь Василій Соколовъ всю каѳедральную утварь и лучшую ризницу подъ Соборомъ скрылъ въ стѣнѣ, задѣлавши впадину кирпичемъ: темные своды подъ Соборомъ были самымъ лучшимъ мѣстомъ для храненія сокровищъ церковныхъ Въ этотъ день Соборъ сталъ наполняться жителями, укрывающимися изъ домовъ отъ грабежа и побоевъ французскихъ, и въ теченіе четырехъ послѣдующихъ дней до того собралось людей съ пожитками, что трудно было въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проходить; говоръ взрослыхъ, плачъ дѣтей и безпрестанная ходня днемъ и ночью производили оглушительный шумъ, представляли церковь соборную какимъ[-то] безпорядочнымъ бивакомъ. Около Собора жители варили себѣ пищу; за недостаткомъ же хлѣба многіе пекли яблоки, въ то лѣто въ изобиліи родившіяся. 8-го августа [53]) осматривалъ Соборъ Наполеонъ съ штабомъ своимъ. Караульная команда, расположившаяся на архіерейскомъ амвонѣ, стала подъ ружье и сдѣлала ему честь, и тогда во всемъ Соборѣ сдѣлалась ти-

[53]) У С. П. Писарева (Памят. кн. г. Смоленска, стр. 67) и В. И. Грачева (Смоленскъ и его губер. въ 1812 г., стр. 73) указана другая дата посѣщенія Наполеономъ Собора: 7 августа 1812 г.

шина. Онъ дошелъ до алтаря, остановился, снялъ шляпу, и за нимъ вся его свита, посмотрѣлъ во всѣ стороны и, видя жителей, въ большомъ числѣ расположившихся по соборному помосту, съ какимъ-то негодованіемъ посмотрѣлъ и вышелъ изъ Собора [54]). 9-го августа священникъ Мурзакевичъ пошелъ провѣдать свой домъ, и часовой, стоявшій у воротъ, едва пропустилъ его [55]). Все въ домѣ было въ безпорядкѣ; въ комнатахъ, занятыхъ генераломъ Легранжемъ, не дозволили войти [56]). Церковь Одигитріевская была занята русскими плѣнными. Въ этотъ же день [57]) онъ узналъ, что спрятанныя вещи въ церкви разграблены; икона же Божіей Матери и Николая Чудотворца, крестъ и евангеліе были комендантомъ генераломъ польскимъ исторгнуты изъ рукъ грабителей и подъ расписку отданы священнику Мурзакевичу. Когда же чрезъ городъ несли женщины иконы въ Соборъ, то французы указывали пальцемъ, говоря: „юдъ! юдъ!“ 9-го августа уже свободнѣе стало въ городѣ. Главныя силы французскихъ войскъ вышли, и жители могли безопасно ходить по дорогамъ и ходили навѣдываться въ свои дома. Въ этотъ день [58]) священникъ Мурзакевичъ вторично ходилъ провѣдывать свой домъ, и уже безпрепятственно былъ впущенъ. Также и въ церковь вошелъ. Здѣсь понялъ и увидѣлъ бѣдственное положеніе нашихъ плѣнныхъ: истомленные голодомъ и жаждою, [они] лежали на полу и сидѣли, прислонясь къ стѣнѣ. Но вся утварь мѣдная, одежда на главномъ престолѣ и ризница въ сундукѣ была цѣла, только замки поломаны. Нашъ благочестивый солдатъ ни до чего

---

[54]) Въ черновикѣ: „съ какимъ-то мрачнымъ видомъ посмотрѣлъ на бѣдныхъ жителей, въ безпорядкѣ расположившихся въ Соборѣ, и потомъ вышелъ“. (Стр. 32).

[55]) Въ черновикѣ: „Подходимъ, а у воротъ стоитъ часовой и не пускаетъ насъ; кой-какъ, черезъ пантомимы, дали знать одному человѣку изъ прислуги, что отецъ – хозяинъ дома“. (Стр. 32).

[56]) Въ черновикѣ прибавлено: „видимъ, что наши образа цѣлы; изъ запасной муки ржаной новые хозяева пекутъ хлѣбъ; наши куры и цыплята есть собственность дорогихъ нашихъ пріятелей французовъ. Осмотрѣвши кой-какъ, мы опять вернулись въ наше убѣжище – Соборъ“. (Стр. 32).

[57]) Въ черновикѣ этотъ фактъ отнесенъ не къ 9 августа (какъ нужно понимать въ бѣловикѣ, по связи съ текстомъ), а къ 11 августа.

[58]) Въ черновикѣ вторичное посѣщеніе дома опять помѣчено тремя днями позже, т. е. вмѣсто 9 августа (какъ въ бѣловикѣ) отнесено къ 12 августа.

церковнаго не коснулся [59]). Тутъ священникъ взятые съ собою два хлѣба разломилъ и раздалъ плѣннымъ и едва могъ высвободиться отъ окружившихъ его плѣнныхъ. Дурной запахъ и духота въ церкви были нестерпимы: часовые французскіе воспретили часто выходить, и оттого въ одномъ мѣстѣ церкви подъ колокольнею должны были употребить для отхожаго мѣста [60]). Вечеромъ того жъ дня священникъ Мурзакевичъ около Собора встрѣтился съ княземъ Понятовскимъ, вступилъ съ нимъ разговоръ о тогдашнихъ событіяхъ и тогда сталъ жаловаться Понятовскому, что жителей и церкви грабятъ, что это можетъ возбудить общее народное возстаніе, и уже ополченіе Смоленское и (стр. 12) Московское собрано, и болѣе ста тысячъ изъ другихъ губерній въ теченіе мѣсяца будетъ готово къ отпору непріятеля [61]). До этого времени французы не знали о вооруженіи народномъ, и, вѣроятно, это дошло до Наполеона, потому что на другой день, т. е. 10 августа [62]), пришелъ къ Собору офицеръ съ какимъ-то русскимъ бѣднымъ чи-

[59]) Въ черновикѣ интересная картина состоянія церкви: „Но къ чести русскаго солдата нужно сказать: главный престолъ стоялъ на своемъ мѣстѣ въ одеждѣ; занавѣсь цѣла на вратахъ царскихъ; одинъ солдатъ отдалъ отцу антиминсъ; всѣ паникадила и подсвѣчники въ цѣлости стояли; сундукъ съ ризами тоже не тронутъ. Только въ придѣльной церкви Іоанна Воина престолъ былъ обнаженъ, и наши солдатики на немъ расчинивали себѣ даваемую муку на хлѣбъ и пекли [его] въ придѣльной церкви богадѣльни". (Стр. 33).

[60]) Въ черновикѣ прибавлено: „и по выходѣ [плѣнныхъ] два дня однимъ усерднымъ прихожаниномъ дѣлалась очистка церкви придѣльной; но главный храмъ былъ чистъ и не оскверненъ". (Стр. 33).

[61]) Въ черновикѣ разговоръ этотъ изложенъ обстоятельнѣе: „Онъ о многомъ разспрашивалъ отца, и въ особенности—отчего жители оставили городъ? И тогда объяснилъ отецъ, что невозможно въ домахъ быть: и тѣ, которые остались, вышли изъ домовъ и скрываются въ Соборѣ; даже по улицѣ небезопасно ходить отъ оскорбленій и грабежа; наконецъ, напомнилъ ему, что французы, коснувшись церквей, которыя нашъ русскій народъ драгоцѣннѣе цѣнитъ отца и матери, тѣмъ наносятъ жителямъ жестокую скорбь, и что рано ли—поздно ли должно быть общее возстаніе, и что къ этому уже есть возваніе, и русскій народъ по первому требованію весь вооружится, и ополченіе Смоленское и Московское уже готово, и до ста тысячъ уже для этого собрано. Это не понравилось Понятовскому: онъ отозвался, что въ военное время трудно удержать солдатъ отъ грабежа". (Стр. 33 - 34).

[62]) Въ черновикѣ прочтеніе Наполеоновской прокламаціи отнесено не къ 10, а къ 11 августа. Въ дневникѣ самого Н. А. Мурзакевича подъ 13 августа записано: „Велѣно жителямъ выдти изъ Собора и разойтися по домамъ..." См. Ист. г. Смоленска. Приложеніе, стр. 62.

новникомъ, и послѣ барабаннаго боя была прочтена имъ публикація на русскомъ языкѣ. Всѣ жители вышли изъ Собора слушать эту публикацію, обнадеживающую, чтобы расходились по своимъ домамъ и занимались своими обычными дѣлами, торговлею и работами, что со стороны французскаго начальства будетъ дѣлана возможная справедливость и защита; и эта публикація была прибита на стѣнѣ всходной широкой лѣстницы и оставалась тамъ до самаго выступленія изъ города французовъ.

Когда 9-го числа [63]) изъ архіерейскаго дома выѣхалъ Неаполитанскій король; того жъ дня гвардейскіе солдаты подъ Предтечевскою церковью нашли Воротней церкви спрятанную утварь серебряную, какъ-то: сосуды, кресты, евангеліе, кадило и превосходно отдѣланную серебряную вызолоченную ризу съ иконой Божіей Матери Воротней, которая взята была въ армію, также подсвѣчники и паникадило. Всѣ эти вещи перенесли въ соборную ризницу, и тогда же пришли какіе-то чиновники французскіе, заперли двери, взявши съ собою ключъ. Это удивило всѣхъ, но должно было повиноваться. Священникъ Мурзакевичъ узналъ, что архіерейская ризница тоже отбита; пригласилъ нѣсколько людей и перенесъ всѣ облаченія въ Соборъ, уцѣлѣвшія отъ грабежа, а также и восемнадцать мѣшковъ мѣдной монеты, суммою на 1800 р.

Съ 10 августу [64]) архіерейскій каменный двухъэтажный и деревянный одноэтажный домы, крытыя галлереи, идущія къ теплому Собору и Предтечевской церкви, и обѣ эти церкви и всѣ строенія, находящіяся въ архіерейскомъ домѣ, были завалены ранеными французами: ничего нельзя было изъ дома архіерейскаго перенесть въ Соборъ, потому что часовые никому не позволяли туда ходить. Между французскими ранеными тоже и русскихъ было нѣсколько раненыхъ; но какъ никто не обращалъ на нихъ вниманія, они

[63]) Въ черновикѣ: „12 числа, когда войска вышли и Мюратъ очистилъ архіерейскій домъ, то кто-то изъ французовъ отыскалъ спрятанную утварь серебряную подъ Предтечевскою церковію...“ (Стр. 34). Отсюда неясно, какого числа, 12 или раньше, очистилъ Мюратъ архіерейскій домъ, а нахожденіе утвари отнесено къ 12 августа; тогда какъ въ бѣловикѣ оба факта помѣчены 9 августа. Въ дневникѣ самого Н. А. Мурзакевича отъѣздъ Мюрата изъ Смоленска записанъ подъ 8 августа. См. Ист. г. Смоленска. Приложеніе, стр. 61.

[64]) Въ черновикѣ число указано другое: „И того жъ 12 августа...“ (Стр. 34).

лежали безъ пищи [65]). Священникъ Мурзакевичъ нѣсколькимъ изъ нихъ далъ яблоки, и впослѣдствіи одинъ изъ нихъ сознавался, что этими яблоками онъ подкрѣпилъ свои силы истощенныя и вскорѣ выздоровѣлъ. Послѣдующіе затѣмъ дни 11—12 августа не были ничѣмъ особеннымъ ознаменованы [66]), только какого-то умершаго штабъ-офицера французскаго было отпѣваніе въ Соборѣ, и погребенъ за оградою съ пальбою [67]). Съ 13 числа жители стали понемногу занимать свои домы, по причинѣ той, что вышли изъ нихъ французы. Узнавши священникъ Мурзакевичъ, что генералъ Легранжъ тоже долженъ былъ выѣхать изъ его дома, на другой день, т. е. 14 августа, вышелъ изъ Собора съ своимъ семействомъ въ домъ, но все перенесенное свое имущество и утварь изъ своей церкви оставилъ для храненія въ Соборѣ. Но того жъ дня какимъ[-то] полковымъ командиромъ былъ занятъ домъ, почему и должно было помѣститься семейство Мурзакевича въ амбарѣ. (стр. 13) Также и изъ Одигитріевской церкви были выведены русскіе плѣнные. Соръ и нечистоту, оставшуюся послѣ плѣнныхъ, одинъ бѣдный прихожанинъ два дня очищалъ [68]). Предъ праздникомъ Успенія Божіей Матери въ шесть часовъ вечера въ большой колоколъ заблаговѣстили ко всенощной, къ общей радости жителей. Всенощная совершалась соборнѣ бывшимъ на то время духовенствомъ. 15-го августа, по недостатку просфоръ, и что похищенъ былъ антиминсъ съ главнаго престола, литургіи не было возможности совершить, и одни только были отправлены часы съ возможною торжественностію [69]). Съ этого дня въ городѣ начало приходить въ возможный

---

[65]) Въ черновикѣ: „но они помѣщены были у дверей". (Стр. 34).

[66]) Въ черновикѣ опять болѣе поздняя дата: „13 августа не былъ замѣтенъ ничѣмъ". (Стр. 34).

[67]) Въ черновикѣ прибавлено: „Жители, собравшіеся въ Соборѣ, питались, за недостаткомъ хлѣба, яблоками, дулями и грушами, въ чрезвычайномъ изобиліи родившимися въ архіерейскомъ саду". (Стр. 34).

[68]) См. прим. 60. Въ дневникѣ самого Н. А. Мурзакевича подъ 12 августа записано: „Выѣхалъ Наполеонъ изъ города, за нимъ и гвардія. Въ моемъ домѣ жившій гвардейскій генералъ Легранжъ, также". См. Ист. г. Смоленска. Приложеніе, стр. 62.

[69]) Въ черновикѣ относительно службъ въ Соборѣ прибавлено: „да и съ самаго занятія французами во дни воскресные были отправляемы только часы до дня выхода изъ Смоленска французовъ". (Стр. 34).

порядокъ. Жители перебирались изъ Собора въ дома; по улицамъ во всякое время можно было ходить безопасно. Въ концѣ августа по приказанію французскаго начальства учредилось городовое управленіе, подъ названіемъ муниципалитета; бѣдные оставшіеся чиновники приняли разныя должности. Жалобы жителей были по возможности удовлетворяемы; никто самопроизвольно изъ французовъ не могъ занимать квартиръ; базары по обыкновенію опять устроились сами собою, и привозъ съѣстныхъ продуктовъ безпрепятственно былъ ввозимъ въ городъ [70]). Литургія была отправляема только въ двухъ церквахъ: Одигитріевской церкви на главномъ престолѣ, такъ какъ престолъ не былъ тронутъ съ мѣста, и антиминсъ былъ цѣлъ, а только въ придѣльномъ престолѣ была снята одежда [71]), гдѣ они [плѣнные] мѣсили изъ муки себѣ хлѣбы и въ богадѣльномъ зданіи пекли себѣ хлѣбъ [72]); также и въ Вознесенскомъ монастырѣ, гдѣ нижняя церковь Сергія Радонежскаго оставалась неприкосновенною отъ грабительства французовъ, потому что дверей желѣзныхъ не могли отбить при первомъ вторженіи въ городъ, а остававшіяся монахини упрашивали французскихъ офицеровъ, чтобы оставили хотя эту церковь неприкосновенною.

Въ послѣднихъ числахъ августа жители стали заболѣвать отъ кроваваго поноса, а также и французы. Недостатокъ свѣжей и здоровой пищи (и многіе въ теченіе двухъ недѣль, не имѣя хлѣба, питались одними только пареными яблоками), зараженная вода въ колодезяхъ и рѣкѣ [73]); нечистота повсемѣстная и вонь отъ труповъ, по мѣстамъ не прибранныхъ, и скопленіе множества французовъ, не соблюдавшихъ чистоту,—умножило смертность и между ними; и особенно раненые десятками были выносимы изъ занимае-

[70]) Въ черновикѣ прибавлено: „и тогда всѣ жизненные предметы можно было доставать по сходнымъ цѣнамъ“. (Стр. 35). Муниципалитетъ учрежденъ былъ 15 августа.

[71]) Въ черновикѣ прибавлено: „хотя и были разбиты стекла въ церкви, но въ алтарѣ починены, и потому возможно было отправлять литургію“. (Стр. 34—35).

[72]) См. прим. 59.

[73]) Въ черновикѣ подробнѣе: „вода въ рѣкѣ и колодезяхъ была заражена французами, которые кидали всѣ гадости, и даже дохлыхъ лошадей, въ рѣку“... (Стр. 35).

мыхъ строеній. Ямы для умершихъ были вырываемы не болѣе, какъ на одинъ аршинъ глубины; въ рѣку и рвы, гдѣ были колодези, скидывали павшихъ лошадей; отъ обгорѣлыхъ зданій тоже распространялся по городу смрадъ. Пища по большей части была употребляема прѣсная, и оттого болѣзни съ каждымъ днемъ увеличивались. Въ это время престарѣлая мать священника заболѣла кровавымъ поносомъ и 6-госентября умерла, а 8-го погребена около Одигитріевской церкви [74]).

По недостатку священниковъ и по умножившимся болѣзнямъ въ городѣ, требованія были весьма часты. Священникъ Мурзакевичъ ежедневно долженъ былъ исповѣдывать, пріобщать и хоронить по отдаленнымъ мѣстамъ города. Въ это же время три престарѣлыхъ священника: соборный—отецъ Василій Щировскій, Вознесенской церкви—Григорій Велиховъ и Рачевскій—Герасимъ заболѣли и одинъ послѣ другого померли, и по обряду церкви оставшимся духовенствомъ погребены при своихъ церквахъ. Но когда умеръ священникъ соборный Щировскій, то архимандритъ Амвросій, по общему согласію духовенства, послѣ погребенія ключи отъ Собора вручилъ священнику Мурзакевичу. (стр. 14)

На мѣсто сгорѣвшаго Днѣпровскаго моста французы начали въ августѣ мѣсяцѣ устраивать мостъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ первыя ихъ войска 6-го августа перешли въ бродъ. Постройка моста шла быстро; лѣсъ брали изъ плотовъ, обыкновенно помѣщавшихся по Днѣпру для продажи [75]). Устройство его было прочно и удобно, и въ теченіе мѣсяца [онъ былъ] оконченъ. Въ то же время [76]) они занялись укрѣпленіемъ городской стѣны; оставили только

[74]) Въ черновикѣ прибавлено: „этотъ поносъ продолжался во все время занятія города французами, и по выходѣ (ихъ) изъ Смоленска сестра наша Екатерина 10 ноября умерла. Такимъ образомъ протекъ сентябрь. Мы слышали, что было сильное сраженіе подъ Можайскомъ; потомъ узнали, что Москва занята, и жители совершенно были увѣрены, что нашъ городъ совершенно подпалъ подъ владычество Франціи". (Стр. 35). Смерть и погребеніе матери Н. А. Мурзакевича записаны неясно въ его дневникѣ подъ 10 сентября, а дочери Екатерины—подъ 11 ноября. См. Исторія г. Смоленска. Приложеніе, стр. 64. и прим. на 68.

[75]) Въ черновикѣ прибавлено: „и для сплава въ низовыя губерніи, скудныя лѣсомъ". (Стр. 35). Постройка моста французами въ дневникѣ самого Н. А. Мурзакевича записана подъ 8 августа. См. Ист. г. Смоленска. Прил., стр. 61.

[76]) Въ черновикѣ сказано: „въ сентябрѣ мѣсяцѣ"... (Стр. 35).

двое воротъ: Днѣпровскія и Молоховскія, для въѣзда и прохода, и тамъ устроили изъ толстыхъ брусьевъ по трое дверей, такъ что при вторженіи могли долго удерживать нападающихъ. Остальныя же ворота: Никольскія—задѣлали бревнами и засыпали землею, [а также] и всѣ прочіе выходы, устроенные для пѣшеходовъ во многихъ мѣстахъ городской стѣны; въ Пятницкихъ же и Рачевскихъ воротахъ —устроили равелины и обнесли гребень толстымъ палисадомъ и прорыли глубокій ровъ, такъ что трудно было дѣлать подступъ. А Королевскую Крѣпость, Молоховскій и Шеинъ кронверкъ, а также и за Днѣпромъ земляную крѣпость—поправили, обнесли толстымъ палисадомъ [77]). И все это производилось скоро, прочно, такъ что крѣпость Смоленская, если бы въ такомъ состояніи приведена была передъ наступленіемъ Наполеона, то могла бы выдержать долговременную осаду.

Въ первыхъ числахъ октября къ Одигитріевской церкви подъѣхала съ фургономъ, запряженнымъ четырьмя лошадьми, команда и ворвалась въ двери: пошли по лѣстницѣ на колокольню, чтобы снять колокола [78]). Но одна изъ старухъ, проживавшихъ въ богадѣльнѣ, дала знать священнику Мурзакевичу; онъ остановилъ ихъ и съ однимъ пошелъ къ коменданту просить, чтобы остановить грабежъ колоколовъ; и чрезъ нѣсколько времени возвратился съ сержантомъ отъ коменданта, и тѣ возвратились, не взявши ни одного колокола.

Съ октября мѣсяца опять по мѣстамъ начали поджигать дома, гдѣ одинъ, гдѣ два, и потомъ до десяти домовъ въ Одигитріевскомъ приходѣ, и около самой церкви [79]); такъ что, если бы не было употреблено стараній со стороны свя-

---

[77]) Въ черновикѣ подробнѣе: „Королевская крѣпость , Молоховскій и Шеинъ бастіонъ были по правиламъ фортификаціоннымъ уравнены и возвышены“... (Стр. 36).

[78]) Въ черновикѣ прибавлено: „для передѣлки на пушки“. (Стр. 36). Въ дневникѣ самого Н. А. Мурзакевича попытка французовъ снять колокола съ Одигитріевской церкви записана подъ 20 августа. См. Исторія г. Смоленска. Прилож., стр. 63.

[79]) Въ черновикѣ нѣсколько иначе: „и въ нашемъ приходѣ около самой церкви сгорѣло три дома...“. (Стр. 36). Въ дневникѣ самого Н. А. Мурзакевича подъ 26 октября записано: „Сгорѣлъ у Одигитріи каменный домъ П. Головкина“. См. Ист. г. Смоленска. Прилож., стр. 66.

щенника Мурзакевича, просившаго убѣдительно собравшихся французскихъ офицеровъ и солдатъ, то, вѣроятно, сгорѣла [бы] церковь, потому что это было въ разстояніи десяти саженей: пламя и дымъ и обгорѣлыя головни падали въ разбитыя окна церкви, гдѣ поставлено было нѣсколько человѣкъ, чтобы головни и уголья, падавшіе въ церковь, были тотчасъ заливаемы. Нужно было ежечасно смотрѣть, чтобы не было сдѣлано поджога: тѣ дома, гдѣ находились жители, еще могли быть оберегаемы, но пустые дома по большей части были поджигаемы [80]).

Въ концѣ октября начали показываться казаки, по два и по три. Это приводило французовъ въ тревогу. До 10 часовъ утра запирали ворота Днѣпровскія и Молоховскія; войска становились подъ ружье и по стѣнамъ городскимъ располагались [81]). Суета была повсемѣстная. Жители, за городомъ живущіе, не впускались въ городъ.

Въ это же время случилось замѣчательное событіе въ городѣ. Помѣщикъ Духовщинскаго уѣзда, подполковникъ Павелъ Ивановичъ Энгельгардтъ, оставшись въ своемъ имѣніи, по обыкновенію помѣщика занимался сельскимъ хозяйствомъ. Но французы разсѣивали слухи, что Наполеонъ даетъ свободу всѣмъ помѣщичьимъ крестьянамъ. Это понравилось мужичкамъ; всѣ стали твердить о вольности и не стали слушать своихъ помѣщиковъ. Толкуя между собою и видя, что сосѣднихъ деревень крестьяне не работаютъ на помѣщиковъ, оставившихъ свои имѣнія, (стр. 15) порядившись между собою, не стали ходить на барщину [82]). Энгельгардтъ, видя самоволіе ихъ, просилъ въ двадцати пяти верстахъ стоявшаго [83]) сотника казачьяго, чтобы прислалъ вразумить нагайками крестьянъ, не повиновавшихся помѣщику. Казаки отлично выполнили свою обязанность и строго под-

---

[80]) Въ черновикѣ прибавлено: „Мы, вставая утромъ, должны были благодарить Бога, что нашъ домъ цѣлъ“. (Стр. 36).

[81]) Надъ текстомъ бѣловика въ началѣ этой фразы прибавка: „въ одинъ день“; можетъ быть описанная тревога случилась однажды? Въ черновикѣ къ этой фразѣ прибавлено: „и здѣсь-то мы узнали ничтожность духа французовъ, которые приходили въ тревогу отъ какого-нибудь казака“. (Стр. 36).

[82]) Въ черновикѣ: „вздумали крестьяне Энгельгардта тоже не работать и причинять ему грубости“. (Стр. 36).

[83]) Въ черновикѣ прибавлено: „въ Порѣчскомъ уѣздѣ“... (Стр. 36).

Встрѣча свящ. Н. А. Мурзакевича съ Наполеономъ
28 октября 1812 года.

(Съ картины художн. В. И. Мушкетова).

твердили мужичкамъ работать на помѣщика [84]). Это ожесточило мужичковъ. Двое изъ нихъ отправились [85]) въ г. Смоленскъ и объявили коменданту, что помѣщикъ ихъ заставляетъ ловить французовъ и убивать. Комендантъ послалъ взять Энгельгардта въ Смоленскъ, допросилъ его и, увѣрившись, что крестьяне оболгали помѣщика, пустилъ обратно. Это тоже имѣло свое дѣйствіе на Энгельгардта, и, чтобы отмстить клеветникамъ, онъ вторично пригласилъ казаковъ [86]); тѣ, сдѣлавши свое дѣло, удалились къ своему посту. Но мужикъ русскій тоже злопамятенъ. Вся деревня заодно приговорила, чтобы опять двое шли въ Смоленскъ [87]), и уже придумали лучшія мѣры погубить своего помѣщика: и въ самомъ дѣлѣ, два какихъ-то трупа закопали въ господскомъ саду. Приходитъ конвой съ офицеромъ, отрыли два трупа, и какъ улика была дѣйствительно, то и взяли подъ арестъ Энгельгардта, посадили въ тюрьму [88]). (стр. 16) Для сего они заняли Спасскую церковь, нижніе два придѣла [89]); тамъ Энгельгардтъ содержался до двухъ недѣль подъ строгимъ карауломъ. И въ то же время донесено было Наполеону; рѣшеніе послѣдовало: „Разстрѣлять!“. Энгельгардту объ этомъ объявили и вмѣстѣ дали время приготовиться къ смерти. Энгельгардтъ, зная священника Мурзакевича,

[84]) Въ черновикѣ: „Казачьи нагайки образумили мужичковъ, что русскій помѣщикъ всетаки панъ, хотя и заняли французы Смоленскъ и Москву“. (Стр. 37).

[85]) Въ черновикѣ прибавлено: „съ доносомъ“. (Стр. 37).

[86]) Въ черновикѣ иначе: „Энгельгардтъ, болѣе ожесточившись на крестьянъ, нѣсколько человѣкъ наказалъ, а доносчиковъ жестоко“. (Стр. 38).

[87]) Въ черновикѣ просто: „Тѣ же доносчики вторично пришли къ коменданту Смоленскому и оговорили, что ихъ господинъ заставляетъ бить французовъ“. (Стр 37).

[88]) Въ черновикѣ по поводу этого разслѣдованія есть соображенія автора: „Тотъ (комендантъ) послалъ освѣдомиться, и точно: на указанномъ мѣстѣ отрыли два трупа нагихъ. Были ли это трупы французскіе, или другого рода людей, - до сихъ поръ не открыто; только французы увѣрились, что эти трупы должны быть ихъ собратій, мародеровъ, шлявшихся по деревнямъ для грабежа. Можно навѣрное полагать, что трупы были французскіе, убитые казаками, но не мирнымъ помѣщикомъ, и эти трупы, вѣроятно, подкинуты, чтобы погубить помѣщика. Команда посланная, видя эти трупы, какъ явную улику преступленія, взяли Энгельгардта въ томъ видѣ, какъ онъ былъ; привели съ завязанными руками въ городъ и посадили подъ арестъ“... (Стр. 37).

[89]) Въ черновикѣ: „въ нижнемъ этажѣ, гдѣ также нѣсколько сидѣло Рославльскихъ мѣщанъ, пойманные французами съ оружіемъ“. (Стр. 37).

какъ просвѣщеннаго, пригласилъ [его] для совершенія послѣдняго долга христіанскаго, исповѣдывался и пріобщился. Кромѣ того, занялся составленіемъ духовнаго завѣщанія и все имѣніе отказалъ во владѣніе матери, а брату меньшему Ивану и женѣ Еленѣ Александровнѣ, съ которою онъ не жилъ, ничего не записалъ въ своемъ завѣщаніи; духовнику своему записалъ семейство людей и въ четырехъ мѣстахъ запрятанное имущество, состоящее въ столовомъ серебрѣ [90]). 18 октября, въ 9-ть часовъ утра, дано было знать священнику Мурзакевичу сопутствовать Энгельгардту и отправить погребеніе; въ то же время пришелъ какой-то польскаго войска полковникъ [91]), и они вмѣстѣ пошли къ Спасской церкви. Священникъ Мурзакевичъ приказалъ взять сыну своему Ивану ризы съ крестомъ, евангеліемъ и кадиломъ; передъ входомъ церкви уже стоялъ полувзводъ пѣхоты и ожидалъ прихода священника; онъ вошелъ въ церковь и алтарь, гдѣ въ то время находился Энгельгардтъ. Примѣтно было, что онъ пришелъ въ смущеніе, когда сказали ему, что все уже готово. Тогда пришедшій полковникъ изъ-подъ платья вынулъ бутылку съ водкою, самъ сталъ пить и понуждалъ Энгельгардта выпить, но тотъ не хотѣлъ; тотъ насильно приставилъ ко рту бутылку и нѣсколько глотковъ принудилъ выпить. Чрезъ это Энгельгардтъ ослабѣлъ, не ѣвши болѣе двухъ сутокъ [92]): когда вышли изъ церкви, примѣтно было, что поступь была нетверда, и нѣсколько разъ спотыкался. Всю дорогу шелъ молча, съ за-

---

[90]) Въ черновикѣ: „и нѣсколько изъ столоваго серебра, скрытаго имъ въ прудѣ его имѣнія". (Стр. 37). Авторъ ошибается: разстрѣляніе Энгельгардта было 15 октября. См. указанныя въ библіографіи работы С. П. Писарева и И. И. Орловскаго и отдѣлъ настоящаго сборника „Смоленскіе партизаны въ 1812 году".

[91]) Въ черновикѣ прибавлено: „подполковникъ польскихъ войскъ, и знавшій Энгельгардта еще до войны". (Стр. 38).

[92]) Въ черновикѣ этотъ эпизодъ разсказанъ такъ: „Подполковникъ, пришедшій съ нами къ Энгельгардту, сталъ утѣшать его, и когда отошелъ въ сторону офицеръ конвойный, то польскій подполковникъ вынулъ изъ кармана бутылку съ водкою, сталъ принуждать его выпить, но Энгельгардтъ не хотѣлъ; тотъ насильно ему ко рту приставилъ бутылку, и Энгельгардтъ въ смущеніи нѣсколько проглотилъ, чему батюшка сильно противился. Этотъ глотокъ водки сильно подѣйствовалъ на Энгельгардта, потому что два дня ничего не ѣлъ". (Стр. 38).

ложенными за спину руками [93]). Въ Молоховскихъ воротахъ присоединился другой взводъ пѣхоты, и съ барабаннымъ боемъ вышли изъ города; прошли двѣ башни, спустились къ самой стѣнѣ, и тогда четыре солдата стали около Энгельгардта [94]), и началось чтеніе приговора на французскомъ нарѣчіи. Энгельгардтъ твердымъ голосъ возражалъ и укорялъ въ несправедливомъ обвиненіи. Чтеніе приговора шло болѣе десяти минутъ. Когда кончилось чтеніе приговора, подходитъ солдатъ, чтобы завязать глаза: онъ не позволилъ этого сдѣлать [95]). Тогда священникъ Мурзакевичъ сказалъ: „Павелъ Ивановичъ, перекрестись и скажи: „Отче! въ руцѣ [Твои] предаю духъ мой". Это [онъ] выговорилъ съ поднятыми вверхъ глазами. Офицеръ скомандовалъ, махнулъ рукою [96]), и восемнадцать человѣкъ сдѣлали залпъ. Энгельгардтъ упалъ на правую сторону, глаза остановились, но тяжелое дыханіе еще было; тутъ нѣсколько человѣкъ начали раздѣвать его; три пули пробили грудь, и одна навылетъ въ спину вышла. Видя, что дыханіе не прекращалось, сержантъ зарядилъ ружье и въ голову выстрѣлилъ; тогда прекратилось дыханіе, и тотчасъ же стали копать яму; а священникъ, видя, что донага раздѣли Энгельгардта, просилъ, чтобы оставили хоть одну рубашку; но солдаты все сняли и разобрали между собою, только одну шубу отдали прислугѣ, бывшей при немъ. Въ это время скопившіеся солдаты сбили съ ногъ малолѣтняго сына священника, и онъ упалъ; а сержантъ наставилъ ружье [97]), что видя, его отецъ сказалъ сержанту, чтобы не трогалъ, и тотъ отошелъ, засмѣявшись. (стр. 17) Погребеніе тотчасъ же Мурзакевичъ

[93]) Въ черновикѣ: „всю дорогу ничего съ батюшкою не говорилъ, шелъ съ поникшею головою и съ заложенными назадъ руками". (Стр. 38).

[94]) Въ черновикѣ точнѣе: „спустившись въ низменную часть ложбины, пролегавшей около стѣны, команда поставила Энгельгардта противъ взвода, съ стоящими около него четырьмя солдатами". (Стр. 38).

[95]) Въ черновикѣ сцена чтенія приговора изображена сильнѣе: „Тутъ вышелъ какой-то офицеръ и началъ читать приговоръ на французскомъ языкѣ; но Энгельгардтъ тоже на французскомъ отвѣчалъ, и видна была его неустрашимость: голосъ былъ твердъ и громокъ, такъ что приговора читаннаго никто не могъ слышать. Когда кончилось чтеніе приговора, подхоцитъ къ нему одинъ солдатъ, чтобы завязать глаза; но онъ оттокнулъ его и сказалъ: „Я хочу видѣть, какъ меня будутъ убивать!" (Стр. 38).

[96]) Въ черновикѣ: „шпагою" (Стр. 38).

[97]) Въ черновикѣ живѣе: „Я—кричать, а французы смѣются". (Стр. 39).

сталъ отправлять, а сынъ вторилъ ему „Господи, помилуй!“, утирая слезы. Энгельгардта положили безъ гроба, безъ всякаго одѣянія и засыпали землею при глазахъ отпѣвавшаго священника. Такимъ образомъ жизнь кончилась человѣка дѣятельнаго, умнаго, но не любившаго своихъ родныхъ [98]).

Въ концѣ октября изъ-подъ Москвы бѣжавшіе французы стали стекаться въ городъ; слухи доходили, что войска Наполеона ретируются. Замѣтно стало движеніе и безпокойствіе между ними. Губернаторъ, баронъ Жомини, чрезъ коменданта требовалъ ключей отъ Собора [99]). Въ это время

---

[98]) Въ черновикѣ прибавлено: „Вотъ какъ случилась смерть человѣку, совершенно невинному! Тѣ же люди, которые доносили ложно, впослѣдствіи, попавшись въ кражѣ лошадей, были сосланы въ Сибирь, и Божіе Провидѣніе наказало клеветниковъ“. (Стр. 39).

[99]) Считаемъ необходимымъ привести изъ черновика мѣсто объ „измѣнѣ“ Н. А. Мурзакевича полностью: „Священникъ отецъ Василій Шировскій умеръ въ концѣ сентября отъ кроваваго поноса. Его отпѣвалъ въ Успенскомъ Каѳедральномъ Соборѣ архимандритъ Амвросій съ оставшимся духовенствомъ; погребенъ противъ алтаря на правой сторонѣ. Но когда стали выходить изъ Собора, то по общему убѣжденію архимандрита и священниковъ отцу вручили ключи отъ Собора, съ тѣмъ, чтобы онъ имѣлъ наблюденіе. Но какъ въ ризницѣ соборной было складено серебро и утварь Воротней Божіей Матери, и ключи отъ ризницы были тоже у батюшки, то и французское начальство, когда нужно было имъ итти въ ризницу для какихъ-то подѣлокъ, то требовали отца, но самого не впускали въ ризницу. Въ концѣ октября мѣсяца губернаторъ чрезъ коменданта требовалъ, чтобы ключи были отданы какому-то чиновнику, но отецъ отговорился, что этого нельзя сдѣлать; и потомъ его требовали и хотѣли взять подъ арестъ. Узнавши объ этомъ отъ коменданта, батюшка пошелъ къ губернатору и едва упросилъ, чтобы избавить его; на что губернаторъ сказалъ, что одно только и можетъ его спасти отъ заслуженнаго наказанія, если онъ отдастъ ключи. Батюшка долженъ былъ отдать. И вмѣстѣ съ тѣмъ [губернаторъ] приказалъ, чтобы всѣ священники встрѣтили Наполеона, когда онъ будетъ въѣзжать въ городъ, съ угрозою, что иначе Соборъ будетъ взорванъ. Батюшка переговорилъ объ этомъ съ архимандритомъ; тотъ сказалъ, что онъ не можетъ этого сдѣлать по слабости здоровья, а Спасскій священникъ и Ильинской церкви протоіерей Поликарпъ согласился. И такимъ образомъ—помню, это было въ воскресенье, послѣ отправленія часовъ въ Соборѣ—они вышли къ Днѣпровскимъ воротамъ; но какъ было холодно, то вошли въ церковь Божіей Матери, которая была занята мукою и кулями провіанта, но алтарь не былъ занятъ. Прождавши до вечера, мы разошлись, и такимъ образомъ не случилось быть затѣянной встрѣчѣ Наполеону. На другой день, т. е. 29 октября, я шелъ съ батюшкой и несъ ризы. На большой дорогѣ, противъ гауптвахты, намъ даютъ знать, что Наполеонъ идетъ. Батюшка второпяхъ надѣлъ епитрахиль и поднесъ ему просфору. Наполеонъ остановился, посмотрѣлъ въ лицо ему и спросилъ по-русски: „Ты

прошли слухи, что городскую стѣну хотятъ подорвать, и что и Соборъ тоже велѣно подорвать. Священникъ Мурзакевичъ, увѣрившись, что эти слухи достовѣрны, скрывался цѣлый день и не давалъ ключей; какъ на утро приходятъ два сержанта и требуютъ, чтобы онъ шелъ къ губернатору. Тогда онъ палъ на колѣни и сталъ просить чрезъ переводчика, чтобы пощадили Соборъ, представляя, что всѣ завоеватели щадили знаменитыя зданія, и что просвѣщенной націи разрушеніе знаменитаго зданія будетъ служить безславіемъ. Губернаторъ тронулся его слезами, сказалъ, чтобы отдалъ ключи, но [что] для спасенія Собора онъ долженъ встрѣтить со всѣмъ духовенствомъ Наполеона, когда онъ будетъ въѣзжать въ городъ. Священникъ Мурзакевичъ, отдавши ключи, согласился исполнить волю его и пригласить другихъ священниковъ къ встрѣчѣ Наполеона. Переговоривши объ этомъ съ протоіереемъ Ильинской церкви и Спасскимъ священникомъ, они согласились хотя для виду сдѣлать что-либо подобное. И когда 29 октября было дано знать объ этомъ, то они собрались у воротъ Днѣпровскихъ и, прождавши до вечера, разошлись по своимъ домамъ, потому что Наполеонъ не прибылъ того дня. Но, къ несчастію священника Мурзакевича, на утро онъ приказалъ малолѣтнему сыну взять ризы и просфору и отправился къ какому-то больному для служенія молебна; но, прошедши

попъ?“ и взялъ просфору и отдалъ одному изъ своей свиты. Тѣмъ встрѣча и кончилась, но впослѣдствіи имѣла бѣдственныя для отца послѣдствія“. (Стр. 39—40). Что же касается до того, какого именно числа состоялась встрѣча Наполеона Н. А. Мурзакевичемъ, то печатаемая біографія погрѣшаетъ, опредѣляя это число, и въ бѣловикѣ, и въ черновикѣ. Встрѣча была не 29 (неудавшаяся, у Днѣпровскихъ воротъ) и 30 (не доходя Троицкаго монастыря), какъ показываетъ бѣловикъ, и не 28 и 29, какъ показываетъ черновикъ: она была 27 (неудавшаяся) и 28 (около Троицкаго монастыря), каковыя числа даются и дневникомъ самого Н. А. Мурзакевича; извѣстно также, что Наполеонъ вернулся въ Смоленскъ 28 октября. Что же касается словъ автора: „помню, это было въ воскресенье, послѣ отправленія часовъ въ Соборѣ“,—то его ссылки на дни недѣли вообще спутаны и врядъ ли вѣрны: см., напр., примѣч. 2, 3, 10, 18, 20, 24, 50, 53, 57, 58, 62, 63, 64, 66, 68, 70, 74, 76, 78, 90, 103, 106, 118, 121, 123, 124, 125. Смерть и погребеніе В. Щировскаго въ дневникѣ самого Н. А. Мурзакевича записаны подъ 2 октября. См. Ист. гор. Смоленска. Прил., стр. 65. Обстоятельства, предшествовавшія встрѣчѣ Наполеона, и самая встрѣча иначе и, конечно, болѣе вѣрно описаны въ дневникѣ самого Н. А. Мурзакевича. См. Ист. гор. Смоленска. Прил., стр. 65—66.

зданіе гимназіи на большой Соборной дорогѣ, не доходя Троицкаго монастыря, вдругъ встрѣчается Наполеонъ; объ этомъ встрѣтившійся жандармъ далъ знать священнику Мурзакевичу. Онъ въ испугѣ велѣлъ сыну вынуть ризы и успѣлъ только надѣть епитрахиль и поднесъ ему просфору. Наполеонъ остановился, посмотрѣлъ на священника, спросилъ его: „ты попъ?“ и велѣлъ взять просфору. За Наполеономъ въ то время шло много генераловъ и о чемъ-то разговаривали; онъ былъ въ сюртукѣ сѣраго сукна, подбитомъ собольимъ мѣхомъ; сапоги теплые и шапка коричневаго бархата съ узкимъ бобровымъ околышемъ; за нимъ запряженная четверкою вороныхъ лошадей шла карета. Въ это время городъ опять наполнился войсками французскими: всѣ оставшіеся дома были наполнены французами; около обгорѣвшихъ каменныхъ домовъ и по дорогамъ биваками расположились войска [100]); обозы, нагруженные московскимъ награбленнымъ имуществомъ, тянулись по Соборной горѣ. Въ городъ велѣно было впускать только одну гвардію, а остальныя войска силою врывались въ Днѣпровскія ворота, и пѣхотная рота, поставленная у воротъ, не могла удержать [ихъ]: даже нѣсколько человѣкъ было застрѣлено. Все показывало, что разстройство войскъ было въ высшей степени; одна только гвардія сохранила бодрый видъ. Награбленное въ Москвѣ и [по] другимъ мѣстамъ: одежда, разныя матеріи шелковыя, сукна, полотно и бѣлье столовое—продавалось за ничтожную цѣну; серебро столовое, церковное, вѣнчики [101]), куски бархата и содранныя ими съ священническихъ ризъ и стихарей тесьмы золотыя и серебряныя тоже за ничто продавались. Ассигнаціи разныя (стр. 18)—сторублевыя и двадцатирублевыя и другія, меньшей цѣнности,—вымѣнивались на французскую монету, такъ что за 10 франковъ можно было сторублевую ассигнацію вымѣнять. Жиды изъ Могилевской губерніи нарочно для этого пріѣзжали съ звонкою монетою и весьма выгодно обмѣнивали [ее] на иностранныя деньги. Но между новыми ассигнаціями, и особенно сторублеваго достоинства, много попадалось фальшивыхъ;

---

[100]) Въ черновикѣ: „Всѣ дороги, домы, улицы и проулки биткомъ были набиты“. (Стр. 40).

[101]) Слово это въ рукописи написано весьма неразборчиво, такъ что нельзя ручаться за вѣрное чтеніе „вѣнчики“.

и какъ послѣ дознано, эти ассигнаціи выдѣланы по приказанію Наполеона, чтобы всю звонкую монету отобрать отъ жителей. Житный хлѣбъ вѣсомъ въ два фунта продавался по пяти франковъ. Кто имѣлъ въ запасѣ муку, тотъ могъ разбогатѣть, продавая хлѣбъ. Изъ живности и говядины ни за что невозможно было достать [102]). Генералы и офицеры въ холодное тогдашнее время были одѣты въ разные костюмы; въ ливрейныхъ же шубахъ и кучерскихъ шапкахъ нашихъ богатыхъ помѣщиковъ были одѣты нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ; въ овчинныхъ тулупахъ можно было встрѣтить офицеровъ. Вся масса войскъ была похожа на цыганскій огромный сбродъ; только одно оружіе показывало, что это не бродяги, а побѣдители Европы. Кавалерійскихъ войскъ не было замѣтно, чтобы проходили чрезъ городъ; только полкъ польскихъ уланъ, конвоировавшихъ Наполеона, представлялъ воинственный видъ. Кирасиры рослые и другихъ конныхъ полковъ солдаты были спѣшены. Артилерійскія лошади были тощи и падали при малѣйшей горѣ, истощены до того были, что должны были [подгонять ихъ] ружьями и чѣмъ попало. Въ войскахъ подчиненность къ своимъ генераламъ совершенно была потеряна: холодъ и голодъ всѣхъ сравняли. Однажды представилась сцена странная и смѣшная для русскаго: везли нѣсколько возовъ сѣна по Соборной горѣ; вдругъ выходитъ генералъ и самъ началъ дергать сѣно съ возовъ; солдаты, конвоировавшіе возы, отгоняли [его], и одинъ даже хотѣлъ его прикладомъ ударить. Такого рода сценъ много было. Генералы и офицеры часто заходили смотрѣть, что ихъ хозяева ѣдятъ, и изъ печи вытаскивали хлѣбъ и все изготовленное. Послѣ такихъ продѣлокъ жители должны были ухитряться, и въ полночь варили для себя и пекли хлѣбъ: въ это время ни одинъ французъ не думалъ [объ ѣдѣ]; только какъ бы уснуть! Такимъ образомъ пять дней представлялось много печальныхъ и смѣшныхъ сценъ. Съ перваго числа ноября стали выходить изъ Смоленска французы къ г. Красному, и съ тѣмъ вмѣстѣ и начались пожары, и по городу небезопасно стало ходить. Въ пятницу второго числа выѣхалъ Напо-

[102]) Въ черновикѣ прибавлено: „Батюшка заблаговременно, еще въ сентябрѣ, купилъ три куля муки пшеничной, и тѣмъ мы избавились отъ голодной смерти“. (Стр. 40).

леонъ, и за нимъ и гвардія. Въ субботу кельи Вознесенскаго монастыря запылали и вся Большая Вознесенская улица. Этого же числа вдали стали слышны быть выстрѣлы; тутъ узнали, что казаки Платова приблизились къ городу [103]). Въ воскресенье еще можно было отправлять богослуженіе; но для предосторожности, чтобы неистовые французы не вломились въ церковь, двери были заперты. Къ вечеру въ домѣ священника остановился какой-то польскій полковникъ, занялъ три комнаты, а за нимъ пріѣхали нѣсколько польскихъ офиперовъ [104]). Мурзакевичъ чѣмъ могъ накормилъ ихъ; они ласкали, благодарили священника, совѣтовали все имущество спрятать въ церковь, говоря, что французы въ домѣ все разграбятъ. Этотъ коварный совѣтъ подѣйствовалъ на довѣрчиваго священника; онъ въ самомъ дѣлѣ ввечеру приказалъ все снести въ церковь [105]). Но на завтра, т. е. 3 [106]) числа, вбѣгаетъ въ домъ изъ богадѣльни старуха и говоритъ, что поляки вломились въ дверь церкви и начали грабить. Священникъ сталъ объ этомъ жаловаться польскому полковнику, но тотъ съ неудовольствіемъ и грубостью сказалъ, что это не его команды [люди]; тогда Мурзакевичъ вошелъ съ сыномъ І.[оанномъ], сталъ говорить [107]), чтобы они не грабили, и затѣмъ палъ предъ престоломъ; тогда одинъ полякъ ударилъ его носкомъ сапога въ лѣвый бокъ до того сильно, что у священника сперлось дыханіе, и онъ едва могъ встать съ мѣста: другой такой ударъ, и онъ вѣрно бы его убилъ. Видя, что нѣтъ никакого спасенія, священникъ [сталъ] убѣгать изъ церкви; но, увидя это, два польскихъ улана погнались за нимъ: они навѣрно бы его убили въ церкви, если бы онъ не ушелъ [108]). (стр. 19) Тогда священникъ скрытно вышелъ изъ дома и рвомъ, простирающимся до архіерейскаго

---

[103]) Ср. Н. А. Мурзакевичъ. Ист. г. Смоленска. Приложеніе, стр. 66 - 67. С. П. Писаревъ. Памят. книга г. Смоленска, стр. 76. См. прим. 111.

[104]) Въ черновикѣ прибавлено: „и помѣстились въ двухъ остальныхъ комнатахъ, и мы должны были помѣститься въ одной комнатѣ". (Стр. 40).

[105]) Въ черновикѣ: „кой-что перенесъ въ церковь". (Стр. 40).

[106]) Въ рукописи здѣсь явно невѣрно поставлено вмѣсто 3 числа 4-е (см. разсказъ дальше). Въ рукописи самого Н. А. Мурзакевича его избіеніе поляками записано подъ 30 октября. См. Ист. г. Смоленска. Прилож., стр. 66.

[107]) Въ черновикѣ прибавлено: „видя, что три польскихъ улана обдираютъ иконы..." (Стр 40).

[108]) Въ черновикѣ: „если бы не отворилъ я дверей...". (Стр. 40).

дома, дошелъ до Собора и тамъ скрылся, а малолѣтнему сыну Ивану велѣлъ, чтобы и старшую дочь туда привелъ бы [109]), и тамъ [до] самаго вечера пробылъ и обогрѣваться ходилъ въ Консисторію, гдѣ жилъ іеромонахъ Амвросій [110]). Въ этотъ день наши войска близко подошли къ городу [111]) и вѣроятно бы заняли его, если бы отстроенный мостъ не былъ зажженъ французами [112]). Оставшіяся зданія въ городѣ жгли французы и ночью стали очищать городъ, а въ полночь и польскіе уланы оставили домъ священника. Остававшіяся въ домѣ дѣти священника, побоявшись, чтобы не сдѣлали какого насилія скитавшіеся по домамъ французы, и выбравшись изъ дома, пошли большою дорогою къ Собору; больную же дочь Екатерину несла служанка. Но противъ Троицкаго монастыря ихъ остановила команда съ съ офицеромъ и, осмотрѣвши, что нѣтъ съ ними хлѣба, оставили ихъ. Когда подошли къ дверямъ Собора, то караульный солдатъ, оставленный у дверей Собора, больной и лежа по причинѣ отмороженныхъ пальцевъ, указалъ дѣтямъ, что священникъ ушелъ въ Консисторію. Тамъ долго у дверей стучались: находившіеся внутри Консисторіи, думая, что не французы ли стучатся, боялись отпереть двери въ Консисторію; но дѣтскій крикъ, наконецъ, убѣдилъ, что нѣтъ никакой опасности. И когда вошли туда, спустя нѣсколько минутъ вдругъ раздался взрывъ, и зданіе Консисторіи колебалось; потомъ еще и до семи разъ. Это мгновеніе было страшно [113]). Передъ разсвѣтомъ дня, то-есть 4 числа, ма-

[109]) Въ черновкѣ прибавлено: „думая, чтобы не сдѣлано было ей какого безчестія...". (Стр. 41).

[110]) Въ черновикѣ прибавлено: „и еще одно семейство безпріютное". (Стр. 41).

[111]) Въ черновикѣ прибавлено: „Платовъ съ казаками и пѣхотою дѣлали нападеніе на городъ". (Стр. 41). См. прим. 103.

[112]) Въ черновикѣ прибавлено: „Но въ эту ночь наши производили пальбу въ угловую башню, что противъ Богословской церкви, и сдѣлали проломъ". (Стр. 41).

[113]) Въ черновикѣ иначе: „Мы туда стали стучать, какъ слышимъ страшный трескъ вдали отъ насъ; и отъ этого только страшнаго звука могли проснуться находившіеся въ Консисторіи. Намъ отворили двери, и мы взошли въ страхѣ. И не болѣе четверти часа прошло, какъ еще сильнѣе произошелъ трескъ, потомъ и еще, и такъ до семи разъ. Это происходило отъ взрыва башенъ, такъ что мы думали зданіе Консисторіи развалится; и мы всѣ закричали отъ страха, чувствуя, что все зданіе тряслось. Такимъ образомъ вся

лолѣтній сынъ священника увидѣлъ, что къ Собору идутъ два мужика съ ружьями, и отъ нихъ узналъ, что русскіе вошли въ городъ; потомъ увидѣлъ офицера съ десяткомъ солдатъ, идущихъ вверхъ по Соборной горѣ, и тотчасъ дѣти сказали своему отцу, и священникъ отъ радости палъ на колѣни и благодарилъ Господа о избавленіи отъ лютыхъ тирановъ, и тотчасъ же пошли къ дому. По дорогѣ, идя за командою русскихъ солдатъ, они видѣли, какъ наши храбрые солдаты нападали на французовъ и противящихся поражали штыками, а обезоруживши—оставляли. Такимъ образомъ достигнувши своего дома, были обрадованы, что домъ былъ цѣлъ [114]). Тотчасъ занялись изготовленіемъ обѣда: ячный супъ и изъ остатковъ муки наскоро изготовили прѣсные хлѣбцы; они пообѣдали и накормили двухъ офицеровъ. Священникъ Мурзакевичъ тотчасъ же пошелъ опять къ Собору, велѣлъ звонить, и звукъ тысячепудоваго колокола возвѣстилъ всему городу, что городъ избавился отъ враговъ. Отправлено было благодарное молебствіе, и во весь тотъ день рота егерей [115]) по городу сбирала бродившихъ французовъ, укрывавшихся въ обгорѣлыхъ домахъ и жильяхъ, въ погребахъ и другихъ мѣстахъ, такъ что до пятисотъ человѣкъ было собрано; такимъ же образомъ и на другой день въ отдаленныхъ мѣстахъ за городомъ еще нѣсколько забрано бродившихъ французовъ. 5 числа ноября священникъ... [116]). (стр. 20)

... Вотъ на другой день, 5-го ноября, у насъ не стало хлѣба, какъ видимъ, батюшка огромный принесъ хлѣбъ, вѣсомъ по крайней мѣрѣ фунтовъ 25-ть; этого достаточно было на три дня для насъ; также и крупъ принесъ: вотъ у насъ и обѣдъ славный, и съ кашею. Все это было выпрошено у сотника казачьяго. На третій день, т. е. 6 ноября, показались калужскіе маркитанты съ своими сайками и другими

ночь нами проведена безъ сна". (Стр. 41). Ср. Ист. гор. Смоленска. Прилож., стр. 67.

[114]) Въ черновикѣ подробнѣе: „Входимъ въ домъ—всѣ двери растворены, имущество все растащено, и что было запрятано въ нашей церкви—большая часть расхищено; нѣсколько бѣлья и платья только осталось". (Стр. 42).

[115]) Въ черновикѣ: „эти остатки мародеровъ были забраны вступившею сотнею казаковъ". (Стр. 42).

[116]) Здѣсь оканчивается бѣловикъ; далѣе идетъ содержаніе черновика. См. вступит. замѣчаніе, стр. 175.

съѣстными предметами. Батюшка для насъ накупилъ цѣлый узелъ и гдѣ-то досталъ кофею, и мы варили его и пили съ медомъ; а вмѣсто чаю въ оставшейся аптекѣ послѣ французовъ досталъ грудной травы и липоваго цвѣта. Но съ каждымъ днемъ начали сбираться жители и изъ духовныхъ, прятавшихся въ ближнихъ селеніяхъ къ городу. 7-го числа, ввечеру, опять загудѣлъ тысячепудовой колоколъ; и вотъ мы узнаемъ, что французы подъ городомъ Краснымъ разбиты. Изъ арміи къ намъ несутъ [117]) образъ Божіей Матери, взятой Багратіономъ. Всѣ священники, бывшіе въ городѣ, вышли навстрѣчу за Никольскія ворота, ибо Молоховскія были подорваны. Весь народъ, кто только могъ, окружили Защитницу нашего града, съ молебнымъ пѣніемъ несли, и народъ падалъ на землю, чтобы надъ его головою перенесена была икона. Въ воротахъ (стр. 42) Троицкаго монастыря, въ облаченіи и съ посохомъ, прислонясь къ стѣнѣ, ожидалъ почтенный архимандритъ встрѣтить Божію Матерь и потомъ сопровождалъ въ Соборъ; и тогда началось опять молебное пѣніе. Когда сталъ читать евангеліе отъ Луки зачало 4-е, то при концѣ, возгласивши: „Пребысть же Маріамъ съ нею яко три мѣсяцы и возвратися въ домъ свой", голосъ его задрожалъ, и слезы потекли. А народъ и клирошане отъ удивленія смотрѣли другъ на друга, ибо Матерь Божія точно пребыла въ арміи три мѣсяца и возвратилась въ домъ свой; и, одумавшись, клиръ запѣлъ: „Слава Тебѣ, Боже, слава Тебѣ!" Это было при вечерѣ, и уже стемнѣло совершенно, когда кончился молебенъ. Кажется, весь тогда бывшій бѣдный народъ собрался въ Соборъ для слушанія благодарнаго молебнаго пѣнія. Съ того времени началось служеніе въ Соборѣ ежедневно; ключи отъ Собора отданы протоіерею Алексѣю Васильеву. Такимъ образомъ, кончилось бѣдственное время для города и всѣхъ жителей. 1812 годъ на долгое время останется въ памяти народной, а особенно для смолянъ. На другой день по занятіи города нашими, бродящіе французы еще дѣлали поджоги: архіерейскій двухъэтажный каменный домъ съ домовою церковію былъ по неосторожности подожженъ оставшимися тамъ больными и ранеными французами. [118]) Батюшка, услы-

[117]) 10 ноября.

[118]) Въ дневникѣ самого Н. А. Мурзакевича этотъ поджогъ записанъ подъ 4 ноября, а занятіе города русскими войсками —подъ 5 ноября (см. Ист.

шавши въ Соборѣ набатный звонъ, тотчасъ побѣжалъ и еще успѣлъ застать домъ не совсѣмъ объятый пламенемъ; и съ двумя подоспѣвшими горожанами онъ успѣлъ выломать деревянную перегородку, соединявшую переходы къ деревянному архіерейскому дому, и потомъ, съ помощію собравшися жителей, успѣлъ отстоять отъ огня теплый Соборъ, тоже соединенный съ каменнымъ домомъ крытою галлереею. Раненые и больные французы, оставшіеся безъ помощи и пищи, съ отчаянія, что лишились крова, полѣзли по улицѣ Соборной, и нѣкоторые самовольно топились въ рѣкѣ. Жалко было на нихъ смотрѣть; но помощи никто не могъ имъ сдѣлать. Такимъ же образомъ и домъ Апраксина и генерала Пассека были подожжены ранеными и больными французами, и тамъ сами всѣ сгорѣли до одного. Страшно подумать, до чего человѣка можетъ довести отчаяніе! Трупы людскіе и лошадиные валялись по улицамъ. Во время оттепели вонь до того распространилась, что зажавши носъ нужно было проходить по улицамъ. Комендантъ, бывшій въ то время въ городѣ, маіоръ Горихвостовъ, приказалъ очищать улицы плѣннымъ французамъ [119]) подъ присмотромъ казаковъ и егерей. Трупы загнившіеся тащили по грязи; отвратительно было смотрѣть; (стр. 43) но какъ некому да и нечѣмъ было копать ямъ для труповъ, то ихъ складывали въ отдаленныхъ мѣстахъ отъ города и потомъ дѣлали костры изъ дровъ и жгли. Съ 10 ноября начали прибывать въ городъ нѣкоторые чиновники, и въ управленіе города вступилъ предводитель уѣздный Огонь-Догановскій, помѣстившійся въ нашемъ домѣ. Въ концѣ ноября [120]) пріѣхалъ архіепископъ Рязанскій Ѳеофилактъ, для приведенія въ порядокъ епархіи и раздачи денежнаго пособія потерпѣвшему

г. Смоленска. Прил., стр. 67); тогда какъ у автора, повидимому, наоборотъ: занятіе города русскими войсками—приходится на 4 ноября. а поджогъ архіерейскаго дома—на 5 ноября.

[119]) По дневнику Н. А. Мурзакевича—съ 17 ноября, черезъ арестантовъ. См. Ист. г. Смоленска Прил., стр. 68.

[120]) Въ дневникѣ Н. А. Мурзакевича подъ 19 декабря записано: „Пріѣхали: архіепископъ Рязанскій Ѳеофилактъ, членъ Синода, и преосвященный: Смоленскій Ириней.“ См. Ист. г. Смоленска. Прил., стр. 68. Тутъ же начало дѣла объ „измѣнѣ“ Н. А. Мурзакевичъ объясняетъ доносомъ прот. Васильева. О процессѣ Н. А. Мурзакевича см. вообще тамъ же, стр. 68—70, и печатаемое ниже „Дѣло.“

духовенству отъ пожара и разоренія. Къ нему-то первому батюшка нашъ явился и сознался ему, что поднесъ Наполеону просфору: отъ этого возникло его несчастіе. Архіепископъ сдѣлалъ предложеніе Смоленскому епископу Иринею, чтобы сдѣлать допросъ батюшкѣ, и предъ праздникомъ Рождества Христова съ утра собрались члены Консисторіи и дѣлали вопросные пункты, съ какимъ то недоброжелательствомъ, клонящимся болѣе къ обвиненію; а послѣ святокъ послѣдовало запрещеніе священнодѣйствованія. То же самое постигло и другихъ священниковъ: Спасскаго—Якова Соколова и Ильинской церкви—протоіерея Поликарпа. Они въ своихъ отвѣтныхъ пунктахъ всю вину встрѣчи Наполеона возлагали на отца, что онъ ихъ страхомъ вынудилъ на это. По мнѣнію Консисторіи, эта вина была равна государственной измѣнѣ и преданности непріятелю; почему и отправлены были для сужденія въ Уголовную Палату. Слѣдствіе и дѣлопроизводство шло болѣе года. По мнѣнію Уголовной Палаты, это сдѣлано болѣе изъ страха смерти, а не отъ измѣны и преданности къ врагамъ. Консисторія представила на усмотрѣніе Синода, и въ первыхъ числахъ іюля 1814 года послѣдовалъ отъ Синода указъ: подсудимыхъ оправдалъ и приказалъ разрѣшить священнодѣйствіе и опредѣлить [ихъ] къ прежнимъ приходамъ. Послѣ изгнанія непріятеля изъ города, всѣ дома, оставшіеся цѣлыми, были наполнены возвратившимися жителями: по три—четыре семейства помѣщалось въ каждомъ домѣ. Въ нашемъ домѣ помѣщался предводитель дворянства Воеводскій и занялъ четыре комнаты, а мы помѣстились въ двухъ; на чердакъ батюшка пустилъ жить купеческую вдову Менчукову съ семью дѣтьми. Изъ Вязьмы возвратилась сестра Александра съ братомъ Иліею; но Александра съ февраля мѣсяца заболѣла нервною горячкою и въ апрѣлѣ [121]) умерла 18 лѣтъ. Эта добрая, умная и прекрасная собою сестра была для насъ послѣ матери руководительницею, и своими возвышенными понятіями и благочестіемъ особенно обращала вниманіе знавшихъ ее. Мы плакали о ней, какъ по матери. (стр. 44)

---

[121]) По дневнику Н. А. Мурзакевича—въ январѣ. См. Ист. г. Смоленска. Прил., стр. 69.

Въ 1813 году [122]) Преосвященный Ириней по его прошенію увольненъ на викарію Кіевской митрополіи, а на его мѣсто прибылъ изъ Новгорода Іоасафъ, викарій С.-Петербургской епархіи. Итакъ, бѣдствія наши съ 1814 годомъ прекратились. Всѣ домашнія и служебныя дѣла батюшки шли своимъ порядкомъ. Городъ послѣ тяжкаго бѣдствія сталъ устраиваться: церкви погорѣвшія отдѣлывались усердіемъ прихожанъ и освящались; всѣ правительственныя и присутственныя мѣста приняли свою обыкновенную дѣятельность; на мѣсто погорѣвшихъ домовъ [городъ] отстраивался, и, по причинѣ дешевизны лѣса и доставки его по Днѣпру, всѣ старались, по возможности, устраивать домы въ лучшемъ видѣ; но каменные дома долго еще стояли въ томъ видѣ, какъ остались послѣ пожара. На мѣсто стараго деревяннаго моста чрезъ Днѣпръ съ августа мѣсяца въ 1817 году [123]) на прежнемъ основаніи, оставшемся отъ пожара, начали строить новый деревянный мостъ и кончили его къ ноябрю мѣсяцу. Но что скоро, то непрочно. Въ 1818 году въ февралѣ мѣсяцѣ на масляной недѣлѣ проѣзжалъ Императоръ Александръ въ четвергъ на пятницу. Городъ былъ весь освѣщенъ плошками, въ особенности Каѳедральный Соборъ. Въ 9 часовъ вечера въ открытыхъ саняхъ въѣхалъ Императоръ, остановился въ домѣ Удѣльнаго Управленія и, переодѣвшись, поѣхалъ въ Соборъ, гдѣ встрѣченъ былъ Преосвященнымъ Іоасафомъ со всѣмъ городскимъ духовенствомъ. Отслушавши молебенъ и приложившись къ иконѣ Божіей Матери, онъ возвратился въ квартиру свою и отказался присутствовать на балѣ, пріуготовленномъ дворянствомъ Смоленскимъ. А на завтра, въ девять часовъ, Преосвященный съ старшимъ духовенствомъ городскимъ представлялся Императору, затѣмъ дворянство и купечество. Во время разговора съ гражданскимъ губернаторомъ барономъ Ашемъ Государь спросилъ, что какъ теперь жители послѣ разоренія, начинаютъ ли забывать прошедшія бѣдствія? Баронъ Ашъ сказалъ, что уже жители стали за-

---

[122]) По дневнику Н. А. Мурзакевича—5 августа, а 13 уѣхалъ. См. Ист г. Смоленска. Прил., стр. 69.

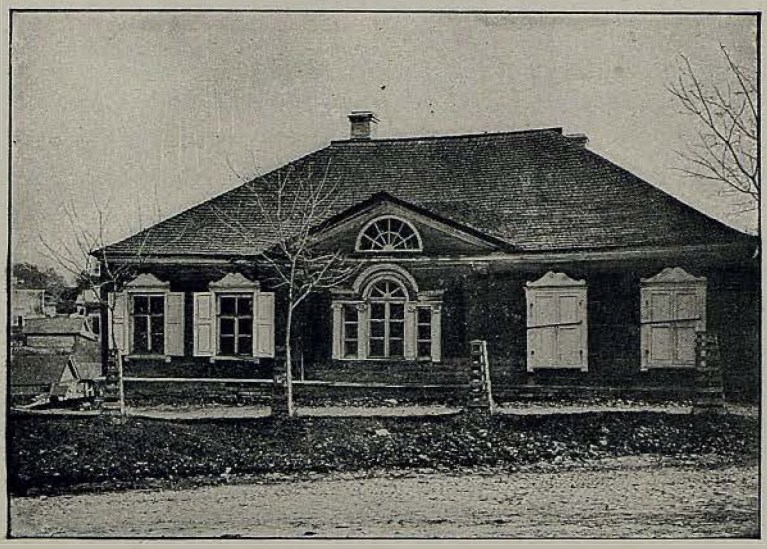
[123]) Въ дневникѣ Н. А Мурзакевича подъ 31 мая 1816 года записано: „Днѣпровскій деревянный мостъ, недавно построенный, ночью провалился по срединѣ...“ См. Ист. г. Смоленска. Прил., стр. 71.

бывать прошедшее. На что Государь сказалъ: „А я никогда не забуду; только Богъ избавилъ и помогъ отъ врага сильнаго...“ Въ маѣ мѣсяцѣ, предъ Вознесеньемъ [124]), проѣзжалъ Великій Князь Николай Павловичъ, царствовавшій съ ноября 20 1825 года по 18-е февраля 1855 года, чрезъ городъ; остановился въ томъ же домѣ Удѣльнаго Управленія, и на другой день, предъ литургіею, осматривалъ батальонъ Московскаго гренадерскаго полка и артиллерію и послѣ церемоніальнаго марша отправился въ Соборъ къ литургіи, которую совершалъ тотъ же епископъ Іоасафъ и послѣ литургіи представлялъ все городское духовенство въ ризахъ, которое подходило къ рукѣ Великаго Князя. Потомъ Великій Князь отправился обозрѣвать городъ и всѣ мѣста знаменитаго сраженія 4 и 5 августа 1812 года. Предъ вечеромъ тоже осматривалъ (стр. 45) городъ съ начальникомъ 2-ой гренадерской дивизіи генералъ-лейтенантомъ Иваномъ Ѳедоровичемъ Паскевичемъ, впослѣдствіи бывшаго фельдмаршаломъ и получившимъ наименованіе графа Эриванскаго и князя Варшавскаго,—умершаго въ 1855 году въ февралѣ (въ городѣ Варшавѣ). И когда осматривалъ Королевскую Крѣпость и сталъ разспрашивать, кѣмъ и когда устроена крѣпость, на то время прохаживаясь батюшка нашъ около крѣпости, и котораго зналъ генералъ Паскевичъ со дня знаменитаго боя 4 августа 1812 года, сказалъ Великому Князю: „А вотъ и самъ исторіографъ города!“ Его подозвали къ Великому Князю; на что онъ отвѣчалъ, что крѣпость эта устроена послѣ взятія города штурмомъ поляками въ 1611 году, которые, разбивши стѣну осадною артиллеріею по указанію измѣнника, по имени Андрея Дедешина, вторгнулись въ городъ и многихъ жителей перебили; и послѣ, по повелѣнію Сигизмунда III, короля Польскаго, этотъ проломъ задѣланъ и укрѣпленъ въ томъ видѣ, въ какомъ теперь находится. Тутъ Паскевичъ сказалъ Великому Князю, что этотъ священникъ и въ 1812 году 4 августа по усердію своему окроплялъ св. водою сражавшихся и исповѣдывалъ и пріобщалъ тяжело раненыхъ; за что [батюшка] получилъ отъ Великаго Князя признатель-

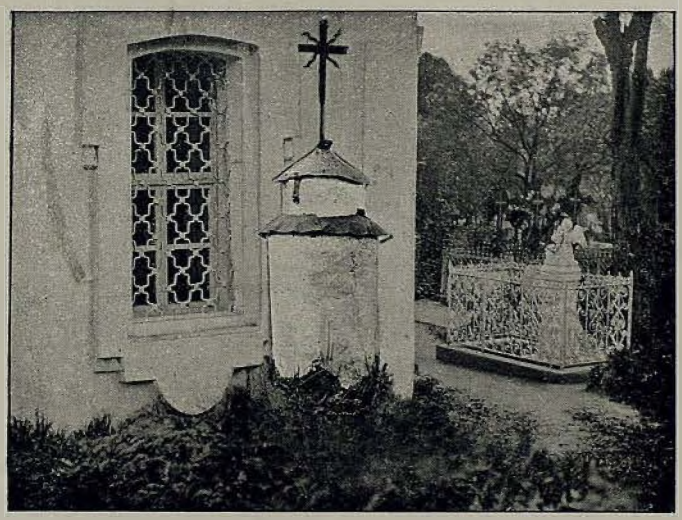
[124]) Въ дневникѣ Н. А. Мурзакевича проѣздъ В. К. Николая Павловича вѣрно записанъ подъ 17 мая 1816 года. Здѣсь же и подробности. См. Ист. г. Смоленска. Прил., стр. 70—71, и С. П. Писарева—Пам. кн. г. Смоленска, стр. 79.

ность въ лестныхъ выраженіяхъ. Въ этомъ же 1818 году 31 мая [123]) вновь устроенный мостъ обрушился въ 10 часовъ вечера съ такимъ оглушительнымъ звукомъ, что какъ бы отъ залпа цѣлой батареи. Но къ счастію, что это не случилось утромъ, потому что это было въ пятницу, въ базарный день, когда было много проходящаго и проѣзжающаго народа,—но ввечеру; когда прошла гренадерская рота, то обозъ, тянувшійся за ротою, весь обрушился въ Днѣпръ, и только нѣсколько лошадей утонуло, да ушиблось три человѣка. Въ этомъ же 1818 году въ сентябрѣ, въ присутствіи Преосвященнаго Іоасафа, было открыто преобразованіе семинаріи по новому уставу, и вмѣсто классовъ, именовавшихся реторика, философія и богословіе, наименованы высшимъ, среднимъ и низшимъ отдѣленіями; и открыты классы съ половины сентября вновь прибывшими профессорами. Въ 1819 году наша сестра Елена была выдана въ замужество за гарнизоннаго прапорщика Игнатія Емельянова Жукова, человѣка безграмотнаго и необразованнаго. Батюшка нашъ совершенно не желалъ, чтобы сестра вышла за грубого человѣка; но ей самой захотѣлось выйти, чтобы носить благородное званіе, почему отецъ долженъ былъ всю жизнь свою содержать зятя съ семействомъ. Въ 1820 году старшій братъ Илія кончилъ курсъ семинарскихъ наукъ и потомъ въ слѣдующемъ году былъ отправленъ въ Петербургъ и опредѣленъ въ канцелярію Министра Народнаго Просвѣщенія и Духовныхъ Дѣлъ князя Голицына. (стр. 46) За пожертвованіе Смоленской семинаріи бѣднымъ казеннымъ воспитанникамъ изъявлена благодарность отъ Преосвященнаго Іоасафа въ присутствіи Консисторіи.

Но труды и дѣятельность батюшки были постоянны: чтеніе историческихъ книгъ, разныя выписки къ дополненію Исторіи Смоленской, во многихъ мѣстахъ еще неполной, занимали его, и особенно ему желательно было описать событія 1812 года. Но какъ свѣдѣнія историческія еще не были вполнѣ изданы касательно сего года, то онъ только дѣлалъ приложенія къ „Исторіи“ а въ полномъ составѣ еще не могъ написать. Труды его и привязанность къ занятіямъ, что онъ называлъ „отъ нечего дѣлать“, занимали его съ 8-ми часовъ утра по 12-ть, и потомъ ввечеру писалъ или читалъ до полночи. Плодомъ этихъ трудовъ былъ переводъ псалтыри



Домъ свящ. Н. А. Мурзакевича,
за алтаремъ Одигитріевской церкви.



Памятникъ на могилѣ свящ. Н. А. Мурзакевича,
у алтаря Окопской церкви.

на общенародный русскій языкъ. Этотъ трудъ онъ не успѣлъ представить на цензуру, потому что вскорѣ вышелъ переводъ псалтыри, изданный отъ Библейскаго Общества. Потомъ онъ занялся составленіемъ жизни св. Апостола Павла, и [трудъ] уже былъ конченъ и представленъ на усмотрѣніе Преосвященному Іоасафу, который передалъ на разсмотрѣніе семинарскихъ профессоровъ; тѣ нашли, что во многомъ неполно и недостаточно, а между тѣмъ не указали, въ чемъ эта недостаточность состоитъ; такимъ образомъ, трудъ, общеполезный для народнаго чтенія, остался безъ изданія. Въ 1819 году апрѣля 11-го, во вниманіе къ дѣятельности и усердію, оказанному въ пожертвованіи бѣднымъ сиротамъ, ректоръ семинаріи архимандритъ Сильвестръ сдѣлалъ представленіе Преосвященному объ опредѣленіи въ экономы семинаріи, которую должность исправлялъ по 1825 годъ апрѣля 18 числа [125]) и увольненъ съ квитанціею и аттестатомъ. Потомъ опредѣленъ депутатомъ и увѣщателемъ при Городовомъ Магистратѣ и Совѣстномъ Судѣ мая 1-го 1825 года, а также увѣщателемъ при дежурствѣ 2-го округа Внутренней Стражи. Сверхъ скуфьи, пожалованной въ 1818 году октября 27 дня, онъ имѣлъ въ память 1812 года наперсный бронзовый крестъ на Владимирской лентѣ.

Жизнь его была однообразна: въ преклонныхъ лѣтахъ онъ болѣе всего занимался чтеніемъ, но письменные труды и сочиненія его уже не занимали, видя столько опытовъ, препятствующихъ къ изданію его трудовъ; и особенно уединился, когда всѣхъ дѣтей своихъ пристроилъ къ мѣстамъ. Константинъ по окончаніи семинарскаго курса поступилъ въ Московскій Университетъ и вышелъ магистромъ; служилъ при (стр. 47) генералъ-губернаторѣ Западной Сибири и потомъ при Департаментѣ Министерства Финансовъ; умеръ въ 1840 году въ чинѣ коллежскаго совѣтника. Третій сынъ, Іоаннъ, поступилъ 1824 года священникомъ въ 22-й егерскій полкъ, потомъ переведенъ въ Глуховскій кирасирскій; по службѣ своей награды получалъ, присвоенныя духовенству, какъ то: скуфію, камилавку, протоіерея и наперсный золотой крестъ. Меньшой сынъ тоже кончилъ

[125]) Въ дневникѣ Н. А. Мурзакевича подъ 20 января 1826 года записано: „Отпросился отъ хлопотливой должности эконома". См. Ист. г. Смоленска. Прил., стр. 76.

курсъ въ Московскомъ Университетѣ; поступилъ въ Одесскій Лицей первоначально лекторомъ, потомъ профессоромъ и въ настоящее время [состоитъ] директоромъ Лицея въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Причиною болѣзни его [о. Никифора Мурзакевича] была геморроидальная болѣзнь: каждый годъ онъ заболѣвалъ [ею] въ мартѣ мѣсяцѣ. Отъ долговременной сидячей жизни ноги его ослабѣли, и по временамъ выступали закожные нарывы, и ничто не могло излѣчить отека и тяжести въ ногахъ. За годъ до кончины опухи и нагноенія въ ногахъ прошли; но онъ почувствовалъ стѣсненіе въ груди, и это было отъ водянокъ на легкихъ. За два мѣсяца до кончины онъ не могъ уже ни служить, ни исправлять требъ христіанскихъ: докторъ, лѣчившій его, уже не могъ пособить. Такимъ образомъ нашъ батюшка окончилъ дни свои 1834 года 8 марта, на шестьдесятъ пятомъ году своей жизни. Преданность прихожанъ къ нему особенно выразилась предъ кончиною: за нѣсколько дней всѣ приходили къ нему прощаться, и это его нисколько не тревожило: онъ еще за мѣсяцъ зналъ о своей смерти, соборовался масломъ и два раза исповѣдывался и пріобщился Св. Таинъ. Завѣщанія послѣ него не осталось никакого: еще при жизни онъ твердилъ, чтобы все дѣлить поровну, кромѣ дома, въ которомъ не должны имѣть участія сестры; деньги, хранившіяся въ Приказѣ Общественномъ, всѣ были поровну раздѣлены; но мнѣ, какъ священнику, онъ отказалъ образъ Божіей Матери въ серебрянномъ вызолоченномъ окладѣ и все свое священническое одѣяніе.

Погребеніе происходило [126]) въ Одигитріевской приходской церкви. Ректоръ семинаріи, архимандритъ Леонидъ, отправлялъ погребеніе со всѣмъ городскимъ духовенствомъ, и погребенъ на кладбищѣ въ такъ называемомъ Окопѣ. Такимъ образомъ трудолюбивая и полезная жизнь окончилась нашего достопочтеннаго отца. (стр. 48)

[126]) 11 марта.